

А.А. Сидоров*

БРЕТТОН-ВУДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье, приуроченной к 70-летию юбилею одного из наиболее значимых экономических форумов в новейшей истории — Бреттон-Вудской конференции, подробно разобраны причины и предпосылки ее созыва, ход и основные итоги. В первой части статьи автор выявляет ключевые особенности развития мировой валютно-финансовой системы после Первой мировой войны. Отмечен целый ряд структурных недостатков послевоенного финансового порядка, к которым автор относит не только проблему военных долгов и репараций, «экономический национализм» и исключение из мировых финансовых связей Советской России, но и инерцию мышления европейских политических и экономических элит, их стремление вернуться любыми средствами к «золотому стандарту». Непродуманная кредитно-денежная политика великих держав, которая лишь усугублялась фактической неподконтрольностью национальных банков своим правительствам, привела к невиданному экономическому кризису, начавшемуся в 1929 г. Подробно анализируя действия администрации Ф.Д. Рузвельта, направленные на ликвидацию последствий Великой депрессии, автор фиксирует появление новой тенденции в развитии финансовой системы на рубеже 1930–1940-х годов — все большее ограничение самостоятельности национальных банков, их подчинение исполнительной власти. Эта тенденция воплотилась в проектах послевоенного финансового урегулирования, работа над которыми параллельно велась в Великобритании и США. Указанные проекты подробно рассмотрены во второй части статьи. Предварительное согласование этих подчас взаимоисключающих проектов стало важнейшим подготовительным шагом на пути к созыву международной конференции в Бреттон-Вудсе. В третьей, заключительной, части статьи рассмотрен ход переговоров, особое внимание

---

* Сидоров Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aas@fmp.msu.ru).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

уделено дискуссиям, развернувшимся вокруг создания ключевых финансовых институтов нового международного порядка — Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Оценивая итоги конференции, автор заключает, что они не имеют аналогов в истории международных валютно-финансовых отношений. Они также стали важным шагом в установлении гегемонии США в западном мире после Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Соединенные Штаты, Бреттон-Вудс, Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, Великая депрессия, валютная политика, «золотой стандарт», Ф.Д. Рузвельт, Дж.М. Кейнс.

В последние десятилетия экономическое и политическое развитие мира происходило под мощным воздействием процессов глобализации, особенно рельефно проявившихся в валютно-денежной сфере. Финансовая система со свойственной ей повышенной волатильностью, выражающейся в непостоянстве валютных курсов и процентных ставок, что в свою очередь вызывает массовый приток или отток средств с соответствующих рынков, всегда представляла собой наименее устойчивый сегмент мирового хозяйства. В условиях глобализации ее «турбулентность» еще более возросла. С середины 1970-х годов экономики ведущих стран мира неоднократно переживали разного рода финансовые потрясения. Последним и самым тяжелым из них стал глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2010 гг., который начался с краха ипотечного рынка в США и по своим масштабам оказался вполне сопоставим с Великой депрессией 1930-х годов.

В контексте развития мировой экономики в XXI в. наибольшую угрозу представлял не столько сам кризис, сколько вновь высветившаяся им проблема дальнейшего ослабления американского доллара как главной резервной валюты в международной кредитно-финансовой системе. Потеря долларом стабильности, одного из важнейших качеств, характерных для мировой валюты, побуждает другие государства избавиться или по крайней мере ослабить зависимость от доллара и финансовой политики США, вызвавшей «финансовое цунами» в конце первого десятилетия нового века. Поиск путей продолжается постоянно. В середине июля 2014 г. на саммите БРИКС в бразильском городе Форталеза лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики объявили о своем решении создать первые формализованные институты этой организации — Новый банк развития (НБР) и пул валютных резервов, каждый с капиталом в 100 млрд долл. Цель НБР близка к задачам, которые решают аналогичные институты

по всему миру, и состоит в том, чтобы мобилизовать ресурсы на инфраструктурные проекты в странах БРИКС и на других развивающихся рынках. Еще более важным шагом должно стать создание пула валютных резервов БРИКС, который будет играть роль «страхового механизма» на случай давления на платежный баланс страны или дефицита ликвидности вследствие, например, резкого оттока капитала¹.

Хорошо функционирующая валютная система является ключевым звеном мировой экономики. Она способствует росту международной торговли, увеличению иностранных инвестиций и углублению глобальной взаимозависимости. Призывы к переосмыслению современной международной финансовой системы слышатся в различных уголках планеты практически постоянно, но по понятным причинам особенно громкими они становятся тогда, когда мир погружается в трясину очередной рецессии. Каждый раз, когда финансовые механизмы давали ощутимый для мирового сообщества сбой, в выступлениях политиков и общественных деятелей, статьях ученых и журналистов, на страницах печатных изданий и в теле- и радиоэфире всплывало слово «Бреттон-Вудс». Маленький курортный городок, затерявшийся между холмов штата Нью-Гемпшир, где в июле 1944 г. собрались представители 44 государств антигитлеровской коалиции с целью создать новую международную валютно-финансовую систему, вправе стоять в одном ряду с Тегераном, Ялтой, Потсдамом, символизировавшими становление послевоенного мирового порядка. Крушение этой системы в 1971 г. стало исходным пунктом нынешней «разрегулированности» финансовых рынков и ускорения процессов глобализации, штаб-квартирами которой выступают «бреттон-вудские институты» — Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), послужившие основой для создания Группы Всемирного банка.

70-летний юбилей Бреттон-Вудской конференции является достаточным поводом для того, чтобы еще раз обратиться к военной эпохе. Бурные события 1930-х — первой половины 1940-х годов существенно повлияли на формирование тех стратегических концепций, которые до сих пор составляют основу внешнеполитического арсенала единственной «супердержавы» — Соединенных Штатов Америки. Особая роль в обеспечении ими своего лидерства в послевоенном мире принадлежала созданной под руководством Вашингтона бреттон-вудской валютно-кредитной системе, в ко-

---

¹ Fortaleza declaration. 15.07.2014 // Документы саммита БРИКС. Доступ: <http://rfsb.ru/content/view/824/121/> (дата обращения: 08.09.2014).

торой доминирующее положение занял американский доллар, и по сей день сохраняющий статус главной международной резервной валюты.

* * *

Хорошо известно, что валютная система не является политически нейтральным механизмом. Ее характер во многом определяется страной или странами, сумевшими занять ведущее положение в мировом разделении труда и в структуре международных хозяйственных отношений [Gilpin, 1987: 119]. Так, в XIX столетии, в эпоху безраздельного господства «золотого стандарта», валютно-финансовый режим отражал в первую очередь интересы Великобритании, бывшей тогда «мастерской» и «банкиром» мира. К началу прошлого века рост новых индустриальных держав заметно ослабил глобальное экономическое лидерство Англии, чье падение ускорила Первая мировая война.

Охватив около 40 стран с полуторамиллиардным населением, война вызвала глубокий кризис мирового хозяйства [Winter, 1989: 206]. Милитаризация национальных экономик, физическое уничтожение огромных производственных ресурсов, беспрецедентные людские потери, разграбление захваченных территорий, развал торговли разрушили прежнюю структуру мирохозяйственных связей. В годы войны колонии оказались в условиях относительной изоляции от метрополий, что в более развитых из них послужило стимулом для расширения собственного производства и развертывания движения за независимость. Не выдержав колоссального напряжения военных лет, рухнули четыре империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Причем Россия, бывшая до войны крупным потребителем промышленных товаров и поставщиком продовольствия и сырья европейским государствам, после победы в октябре 1917 г. социалистической революции вовсе «выпала» из мировой хозяйственной системы. Претендовавшая прежде на лидерство Германия была разгромлена, а все другие участвовавшие в войне великие державы, за исключением США и Японии, — крайне истощены.

Финансовые ресурсы практически всех воевавших государств были исчерпаны. С началом боевых действий центральные банки вовлеченных в конфликт сторон прекратили обмен банкнот на золото и увеличили денежную эмиссию для покрытия военных расходов, что вызвало сильную инфляцию и хаос в валютных операциях. Как отмечал один из основателей современной американской политэкономии международных отношений Роберт Гилпин, следствием войны «стала национализация мировой валютной сис-

темы» [Gilpin, 1987: 127]. Лежавшие в руинах европейские государства остро нуждались в кредитах не только для восстановления экономики, но и для приобретения продовольствия, сырья, оборудования и товаров широкого потребления [Schmitt, Harold, 1984: 455–462.] Англия, которая наряду с Францией до войны была главным источником зарубежных инвестиций, а ее банки — основными кредиторами международной торговли, тоже находилась в тяжелом положении. В силу определенной инерции ее превосходство в валютно-финансовой сфере еще сохранялось, но роль мирового финансового лидера ей была уже не по плечу.

В обстановке послевоенного хаоса и разрухи возможностью выступить в роли стабилизирующей и организующей силы обладали только Соединенные Штаты. Благодаря более позднему вступлению в войну (в апреле 1917 г.) и политике нейтралитета, под прикрытием которого США вели широкую торговлю оружием и военными материалами, они сосредоточили в своих руках около половины мирового запаса золота и из должника западноевропейских держав превратились в их кредитора. Новая роль США в сочетании с ранее обретенной индустриальной мощью давала им ощутимые преимущества при решении послевоенных проблем. Поскольку в то время ни одна держава не могла угрожать территории Америки, приоритетным для Вашингтона стало создание такого международного порядка, который обеспечил бы благоприятные условия для внешнеэкономической экспансии США. Однако попытка президента Вудро Вильсона, выдвинувшего в начале 1918 г. «14 пунктов», выставить в качестве системообразующих элементов нового мироустройства принципы «открытых дверей» и «свободы торговли», была провалена Англией и Францией на Парижской мирной конференции 1919 г., итогом работы которой стал Версальский договор.

Сформированный совместными усилиями держав-победительниц (в основном Великобритании, Франции, США, Италии и Японии) в 1918–1922 гг. Версальско-Вашингтонский мировой порядок изначально оказался непрочен. Созданная для его обеспечения международная организация — Лига Наций — не обладала механизмами, которые позволяли бы ей разрешать противоречия, возникавшие между государствами. В экономическом плане новое мировое устройство не давало надежды на восстановление мирового хозяйства. Центральный вопрос о том, кто компенсирует громадные военные потери, был практически сведен к проблеме германских репараций, а «умеренных» не было [Sharp, 1991: 77–101]. Джон М. Кейнс, тогда еще мало кому известный эксперт британской делегации в Париже, в своем трактате «Экономические по-

следствия Версальского мирного договора» (1919) указывал, что последний «не восстановит, но еще более приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной организацию [мировую экономику. — А.С.], посредством которой европейские народы только и могут найти применение своей деятельности и поддерживать свое существование»². По его мнению, чтобы избежать катастрофы, необходимо пересмотреть условия мирного договора с Германией, аннулировать взаимные долги союзников, реформировать финансовую систему и перестать блокировать Россию. Дж. Кейнс оказался провидцем. Названные им проблемы действительно заняли центральное место в международных дискуссиях в 1920-е годы и тормозили процесс восстановления нарушенных войной экономических связей.

Эффективному преодолению послевоенных трудностей в известной степени препятствовала косность политического мышления значительной части элиты и общественности западных стран, проявлявшаяся в стремлении возвратиться к миру до 1914 г. В финансовой сфере это нашло отражение в почти слепой вере в необходимость восстановления золотомонетного стандарта, достижения валютной стабильности и фиксированных курсов валют. Полный возврат к «золотому стандарту» исключался, так как послевоенная инфляция разрушила покупательную способность золотого запаса [Gilpin, 1987: 129]. Выход был найден в установлении золотодевизного стандарта, основанного на золоте и ведущих валютах, конвертируемых в золото. Новое устройство мировой валютной системы было юридически закреплено межгосударственным соглашением на Генуэзской конференции 1922 г.

Новая валютная система обеспечила относительную стабильность в сфере мировых торгово-финансовых отношений, но одновременно создала предпосылки для многочисленных валютных войн и девальваций. Главную роль в ней играли не правительства, а центральные банки, большинство из которых обладали независимым от исполнительной власти статусом, как Английский банк или Федеральная резервная система США (ФРС). По утверждению американского исследователя Стивена Кларка, в 1920-е годы центральные банки были «в первую очередь национальными банками» и вели себя соответственно, даже если не были согласны с политикой собственных правительств. Если между центральными банками возникали разногласия, касавшиеся «правил игры» на международной арене, то беспристрастного арбитра тогда просто

---

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Вступ. ст. Н.А. Макашевой. М.: Эксмо, 2007. С. 464.

не существовало [Clarke, 1967: 29–30]. Финансовый комитет Лиги Наций, который в начале 1920-х годов способствовал осуществлению стабилизационных программ в европейских странах, так и не стал межправительственным форумом для валютного сотрудничества, превратившись в простого поставщика статистической информации о своих членах [Jacobsson, 1965: 177].

Черпая вдохновение в решениях Генуэзской конференции, ряд крупных промышленно развитых государств на фоне «процветания» 1920-х годов взяли курс на возвращение к «нормальности», что предполагало и восстановление «золотого стандарта». В Великобритании горячим сторонником этой идеи выступал управляющий Английским банком Монтегю Норман [Meier, 1982: 23]. Находясь во главе института, всегда гордившегося своей независимостью, он рассматривал британское правительство просто как своего самого важного клиента [о карьере и политике М. Нормана см.: Boyle, 1976]. Однако М. Норман был не одинок во мнении, что поддержание золотого обеспечения фунта на довоенном уровне было непременным условием возвращения Лондоном прежних доминирующих позиций в международной финансовой сфере. В глазах большинства британцев золотой фунт был символом могущества империи, над которой «никогда не заходило солнце». 28 апреля 1925 г. при министре финансов Уинстоне Черчилле «золотой стандарт» был восстановлен в прежнем, довоенном, соотношении фунта и доллара [Selgin, 2013: 12]. Однако амбиции Великобритании уже не соответствовали ее возможностям. Завышенный курс (1 фунт = 4,86 доллара) затормозил английский экспорт, соответственно сократился и импорт, что напрямую затронуло интересы множества стран. Англия стала «слабым звеном» мирового финансового рынка. В 1926–1928 гг. примеру Великобритании последовали, вернувшись к «золотому стандарту», Италия, Франция и еще около двух десятков государств.

Соединенные Штаты держались особняком, отстраняясь от многих международных проблем. После неудачной попытки В. Вильсона убедить соотечественников, что Америка должна разделить ответственность за послевоенное восстановление Европы, общественное мнение страны погрузилось в пучину изоляционизма. В высших слоях общества он стал некой формой выражения американского национализма, принявшего в 1920-е годы антианглийскую направленность. Изоляционистам противостояла немногочисленная, но весьма влиятельная группировка «интернационалистов», ядро которой составляли крупные банкиры во главе с Дж. Морганом, чей банк имел тесные связи с лондонским «Сити», и руководители ведущих промышленных корпораций, являвшихся

отраслевыми лидерами в мировом масштабе. Их идеалом была международная система, основанная на принципах свободы торговли, валютной стабильности и политической ответственности. Они питали уважение к Великобритании и тому положению, какое она занимала в мировой экономике до войны. Им казалось вполне естественным, что в итоге Англия и Америка должны объединиться в англоговорящий союз для установления мирового порядка, при котором бы доминировал англо-американский капитал [см.: Schurmann, 1978: 45–54].

На практике «интернационалисты» выступали за оказание Соединенными Штатами помощи в восстановлении экономик европейских стран, компании которых для многих в Америке оставались важнейшими торговыми партнерами. После «ухода» США из Европы стоявшие у власти на протяжении всех 1920-х годов республиканские администрации в отношениях со Старым Светом активно пользовались услугами деловых кругов, ориентированных на международные рынки, в частности, для ведения переговоров о долгах и репарациях. Во многом по настоянию и при непосредственном участии «интернационалистов» разрабатывались репарационные планы для Германии 1924 и 1930 гг., составленные группами международных экспертов под руководством чикагского банкира Чарльза Дауэса и промышленника Оуэна Юнга соответственно. Поскольку созданная в 1913 г. ФРС практически полностью игнорировала международные аспекты деятельности центрального банка, функции главного финансового учреждения США в данной сфере по инициативе его руководителя Бенджамина Стронга взял на себя Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Имевший ранее тесные связи с моргановской «Bankers Trust Company», Б. Стронг занимался продажей облигаций, выпущенных для выполнения «плана Дауэса», оказывал содействие М. Норману в возврате к «золотому стандарту» и т.д. [о деятельности Федерального резервного банка Нью-Йорка см.: Clarke, 1967].

С началом Великой депрессии 1929–1933 гг. заинтересованность части крупных промышленников и банкиров в либеральном экономическом порядке, которая прежде объединяла их с финансовыми кругами Уолл-стрита в одну политическую коалицию, почти исчезла, уступив место озабоченности стратегией, принятой их зарубежными конкурентами. Против Дж. Моргана выступили почти все независимые от него инвестиционные банки, включая перешедший в руки Рокфеллеров «Chase National Bank» и быстро набиравший вес калифорнийский «Bank of America» [Ferguson, 1984: 81]. Из фирм и банков, выдвинувшихся в эпоху Великой депрессии, вышло со временем поколение известных демократов, таких

как А. Гарриман, С. Уейнберг, Дж. Форрестол, Дж. Хэнкок, Г. Лемэн и др. [Burch, 1981: 16, 18].

Самый глубокий и разрушительный в истории человечества экономический кризис, начало которому положил обвал котировок на Нью-Йоркской бирже, подорвал наметившуюся во второй половине 1920-х годов тенденцию к восстановлению единства мирового капиталистического хозяйства. Потрясенные кризисом западные державы пытались решить свои проблемы за счет друг друга, изолировав свои рынки высокими таможенными барьерами (толчок был дан принятием в США в 1930 г. закона о тарифах Смита—Хоули). Торговые ограничения, введенные в Европе в 1930 г. для того, чтобы ограничить дефицит торгового баланса и поддерживать выплаты по военным долгам, привели к финансовой панике и банкротству банков в 1931 г., вынудив в конечном итоге Великобританию отказаться от «золотого стандарта». Символ Британской империи — «золотой фунт» — закончил свои дни в сентябре 1931 г. Отказ от него больно ударил по британским доминионам, Индии, Скандинавским странам и вызвал первую волну инфляции. Однако такой шаг оказался, по словам одного из современников, «весьма заразен» [Gregory, 1935: 74]. Весной 1933 г. «золотой стандарт» отменили США, что привело ко второй волне инфляции. На конференции в Оттаве в 1932 г. Англия вместе с доминионами и торговыми партнерами создала «стерлинговый блок». Вскоре вокруг Соединенных Штатов сформировался «долларовый блок», а вокруг Франции — «золотой». В оказавшейся под властью фашистов Германии был введен жесточайший контроль за всеми заграничными платежами и счетами. Громадные потери, понесенные в то время центральными банками, в основном в фунтах стерлингов, породили недоверие к иностранной валюте как средству хранения своих резервов и одновременно стремление увеличить собственные золотые запасы. Мировое сообщество вступило в эпоху беспрецедентной экономической войны с плавающими валютами и конкурентными девальвациями, так как каждый блок пытался решить свои проблемы с платежами и занятостью за счет других.

Кредитно-денежная политика сыграла свою роль в возникновении кризиса 1929 г. Одной из основных причин расстройства валютной системы стало то, что страны-кредиторы, прежде всего США, своей валютно-финансовой политикой создали положение, при котором страны-дебиторы могли рассчитываться только золотом, не используя в полной мере своих экспортных возможностей. Для того чтобы мировая торговая и кредитная системы приобрели устойчивость, требовалась генеральная переоценка ценностей, включавшая и полную ликвидацию военных долгов [Стадниченко,

1970: 77–78]. В 1920-е годы Соединенные Штаты, добиваясь «равновесия» на Европейском континенте, давали Германии многомиллионные займы и кредиты в твердой валюте на восстановление ее индустрии. За счет американских кредитов Германия выплачивала репарации Англии и Франции, а те в свою очередь возвращали военные долги США. С разворачиванием кризиса отток капиталов за океан лишь усилился, но даже в таких сложных условиях Вашингтон продолжал настаивать на своем, предложив в 1930 г. репарационный «план Юнга». В соответствии с ним центральные банки Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Франции создали на основе Гаагского соглашения новый коллективный институт — Банк международных расчетов (БМР) со штаб-квартирой в Базеле. Согласно официальным заявлениям он должен был обеспечивать перевод репарационных платежей из Германии в страны-победительницы. Из-за ограниченности ресурсов и мандата БМР оказался, по сути, «клубом центральных банков» и не был способен решать финансовые проблемы Великой депрессии. М. Норман предложил создать более авторитетную организацию, но его инициатива была провалена из-за «нежелания <...> поддержать схему, при которой контроль и фонды станут действительно международными» [Clarke, 1967: 179].

В таких условиях переломить ситуацию можно было только путем налаживания сотрудничества между крупными державами, прежде всего ведущими европейскими странами и Соединенными Штатами. Однако вплоть до прихода к власти в марте 1933 г. администрации во главе с президентом-демократом Франклином Д. Рузвельтом США фактически продолжали проводить прежнюю политику. Вместе со сторонниками «нового курса» в Вашингтон пришли идеи государственного регулирования экономики и социальных отношений и принципы новой политической организации общества. Они предполагали создание такой институциональной системы, где политика государства вырабатывалась через взаимодействие властей и лидеров корпоративных организаций, получивших право представительства их интересов в правительственных органах в обмен на подчинение «правилам игры». В споре «интернационалистов» и изоляционистов «ню-дилеры» заняли особую позицию, настаивая на том, что первостепенную роль в разрешении международных экономических проблем должны играть уже не частные фирмы и банки, а государство.

Тогда же на высший уровень стали постепенно выдвигаться идеи либерализации международных экономических отношений. Наиболее ярким их выразителем был государственный секретарь Корделл Хэлл, который еще в Конгрессе зарекомендовал себя

твердым приверженцем принципов «свободной торговли» и активным противником протекционистских мер. Его оппонентами внутри администрации были «экономические националисты», в частности советник президента профессор Р. Моли. Он и его сторонники полагали, что отказ от меркантилистских мер и широкое вовлечение США в процесс восстановления мировой экономики затруднят разрешение внутренних хозяйственных задач. Во многом благодаря усилиям этой группы политиков была сорвана проводившаяся в Лондоне летом 1933 г. Международная экономическая и финансовая конференция, в ходе которой США отказались обсуждать болезненные для их зарубежных партнеров проблемы военных долгов и стабилизации валют [Krooss, Studenski, 1952: 387–388].

Оздоровление американской экономики рузвельтовская администрация начала с финансовой сферы и спасения банковской системы. Уже 6 марта 1933 г. ввиду быстрого исчезновения золота из обращения был прекращен обмен на него банкнот. Граждане и корпорации обязывались сдавать в казну все находившееся у них золото сверх суммы в 100 долл. 5 апреля было объявлено о запрете вывоза золота за границу, подтверждена обязательная его продажа государству по курсу 20,67 долл. за тройскую унцию (31,1 г), а владение монетарным золотом признавалось преступным деянием [Selgin, 2013: 15–16]. Такие чрезвычайные меры, по сути, означали косвенный отказ от «золотого стандарта» и первый шаг к национализации золота. До конца 1933 г. доллар оставался неконвертируемым, тогда как его цене в иностранной валюте было разрешено плавать. К декабрю цена золота возросла до 35 долл. за унцию. Однако вскоре стало ясно, что попытка скупки золота у населения не оправдала себя. По настоянию администрации 30 января 1934 г. Конгресс принял Закон о золотом резерве, который предусматривал изъятие монетарного золота из частных рук и запрет свободного обмена бумажных денег на золото. На следующий день Ф. Рузвельт издал прокламацию, девальвируя доллар до 59,06% его прежней цены и установив официальную цену золота на уровне 35 долл. за тройскую унцию [см.: Krooss, Studenski, 1952: 388–390]. Официальным снижением содержания золота в долларе администрация за одну ночь увеличила номинальный золотовалютный запас страны с 4,033 до 7,438 млрд долл. [Gregory, 1935: 119].

Отказ от «золотого стандарта» и девальвация доллара, конечно, поколебали доверие к американской валюте. Однако «валюта страны, обладавшей почти половиной золотого запаса капиталистического мира, легче перенесла удары кризиса, и ей удалось лучше других валют сохранить международный престиж» [Ильясов, 1972: 12]. В дальнейшем американские правящие круги проявляли осо-

бую заботу о том, чтобы сохранить установленное золотое содержание доллара. Решать эту задачу им удавалось сравнительно легко, так как внешнеторговый баланс страны был активным. Одновременно США пошли по линии усиления роли золота в валютном обращении, придерживаясь жесткой политики золотого обеспечения билетов ФРС и депозитов входивших в нее банков. Сразу после принятия статута о золотом резерве администрация Ф. Рузвельта согласилась участвовать в программе международной стабилизации, которую не так давно отвергла на конференции в Лондоне [Krooss, Studenski, 1952: 392]. Заниматься данными вопросами должен был Фонд валютной стабилизации (Exchange Stabilization Fund), созданный в соответствии с законом 1934 г. Именно на него возлагалась задача защиты доллара и золотых резервов США от действий «фондов конкурирующих наций». Таким органом обладала только Великобритания, учредившая двумя годами раньше Фонд выравнивания обменных курсов (Exchange Equalization Fund) [Schwartz, 1997: 135–153]. Позднее стабилизационные фонды были образованы в Бельгии, Швейцарии и Нидерландах.

На рубеже 1933–1934 гг. «националистов» среди советников президента окончательно сменили «нью-дилеры». Неслучайно всего через год после срыва Лондонской конференции К. Хэлл убедил Ф. Рузвельта и Конгресс принять Закон о взаимных торговых соглашениях (Reciprocal Trade Agreements Act), согласно которому Конгресс фактически отказывался от своей лидирующей роли в выработке торговой политики, передавая полномочия по установлению таможенных тарифов и ведению переговоров о торговых соглашениях исполнительной власти [подробнее см.: Hiscox, 1999]. Во главе Министерства финансов США встал близкий к президенту человек, бывший редактор одного из сельскохозяйственных журналов Генри Моргентау, имевший родственные связи с руководителями выдвинувшейся в период кризиса нью-йоркской финансовой фирмы «Lehman Brothers» [Burch, 1981: 26]. Настроенный более радикально, чем многие его коллеги, он полагал, что ведущая роль в решении внешнеэкономических вопросов должна принадлежать не частным банкам, а государству. Однажды он заявил, что намерен «выгнать <...> ростовщиков-займодавцев из храма международных финансов» [Gardner, 1969: 76]. В 1935 г. под контроль Вашингтона перешел Федеральный резервный банк Нью-Йорка.

Действия Г. Моргентау в отношении банков вполне вписывались в общемировую тенденцию лишения банковских институтов независимости в пользу исполнительной власти. Так, еще в конце 1931 г. Невилл Чемберлен, едва заняв пост канцлера Казначейства, ясно дал понять, что он и кабинет министров, а не М. Норман, будут

определять британскую финансовую политику. В 1936 г. французское правительство национализировало Банк Франции [Eichengreen, 1992]. Такие разные лидеры, как Ф. Рузвельт, Н. Чемберлен и Леон Блюм, были единодушны в том, что международные финансы слишком важны, чтобы оставлять их банкирам, но сотрудничество в данной сфере налаживалось непросто. Лишь 25 сентября 1936 г., после того как Франция отказалась от «золотого стандарта» и девальвировала франк, она вместе с Великобританией и США подписала Трехстороннее соглашение [Krooss, Studenski, 1952: 392]. Собственно, это был даже не один документ. Каждая страна издала свою декларацию, в которой выражалось намерение предпринять действия по ослаблению валютного контроля и содержалось обещание не пытаться получить конкурентные преимущества в процессе обмена на международном рынке. Соглашение утверждало свободный обмен золотом на национальную валюту каждой из стран. Оно стало исходной точкой на пути движения к новой международной валютно-финансовой системе. Соглашение не только впервые в истории придало официальный характер интервенционной деятельности центральных банков, но и сигнализировало о возобновлении межгосударственных консультаций по валютной политике. Вместе с тем по своему характеру оно так и осталось «джентльменским соглашением», обязательства по которому не были юридически обязывающими [подробнее см.: Clarke, 1992: 126–133]. К концу 1930-х годов попытки углубить сотрудничество в валютной сфере стали принимать более осязаемые формы. Закреплению наметившейся тенденции не помешала даже начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война.

Об организации финансовой системы думали не только за океаном. Военные победы вермахта существенно расширили «жизненное пространство» фашистского рейха, которое нужно было теперь в организации. «Новый порядок» должен был иметь собственное финансовое измерение. 25 июля 1940 г. министр экономики и президент Рейхсбанка Вальтер Функ на пресс-конференции в Берлине «набросал» план восстановления и реорганизации германской и европейской экономик, а также усиления их позиций в мировой торговле. Существовавшие двусторонние отношения следовало, по его мнению, преобразовать в систему многосторонних торговых связей, а расчеты между странами осуществлять через валютный клиринг. Естественно, такая система потребовала бы фиксированных паритетов и стабильных валютных курсов. Каждое правительство обязано было следить за своим платежным балансом, что снимало проблему его дефицита. Клиринговая система делала бы золото

излишним для валютных платежей. Паритеты европейских валют устанавливались в отношении рейхсмарки [Dormael, 1978: 5–6].

Озвученные В. Функом планы финансовой консолидации завоеванного пространства вызвали определенное замешательство в Великобритании, которая тогда практически в одиночку вела войну с Германией. В целях разоблачения фашистского проекта реорганизации европейской экономики британское Министерство информации обратилось к самому именитому английскому экономисту Дж. Кейнсу. В прошлом ему не раз приходилось изучать проблему функционирования международной финансовой системы. В 1920-е годы он даже был в числе противников восстановления «золотого стандарта», но у него не было какой-либо стройной концепции в данной области. Интересно, что он в принципе положительно оценил идею немцев отойти от либерального мира *laissez-faire* (капитализма свободной конкуренции). Данный аспект их плана был, по его словам, «прекрасен», и это как раз то, что «мы сами должны подумать сделать» [цит. по: Skidelsky, 2000: 196]. Как утверждал Дж. Кейнс, Министерству информации следовало объявить, что Великобритания будет делать «то же, что предлагает доктор Функ, только мы сделаем это лучше и честнее. Это важно. Предложение о возвращении к благословенным 1920–1933 гг. не будет иметь большого значения для пропаганды» [цит. по: Dormael, 1978: 7]. Об организации послевоенного мира в тот момент стали задумываться и за океаном.

* * *

События 1939–1940 гг. ускорили трансформацию образа мышления окружения Ф. Рузвельта относительно международных проблем. Именно тогда стали формироваться два базовых постулата послевоенной американской «большой стратегии». Во-первых, успехи германских и японских армий с пугающей очевидностью высветили возможность получения державами «оси» контроля над ресурсами и промышленной инфраструктурой большей части Евразии. По словам Дина Ачесона, занимавшего тогда пост заместителя госсекретаря США, немецкий «новый порядок» и японская «сфера процветания» на деле означали, «что ресурсы и население соседних стран были полностью обращены на достижение целей врага и растрачивались с крайней жестокостью»³. Подобная конфигурация власти за морями ставила под угрозу жизненно важные интересы США, из чего вытекало, что ни в данный момент, ни в будущем

---

³ Acheson D.G. The war, rehabilitation, and lasting peace // Department of State Bulletin. December 18, 1943. P. 421.

они не должны допустить появления противника, способного получить контроль над ресурсами Евро-Азиатского континента. Вторых, сам Ф. Рузвельт и его советники были убеждены, что одной из причин глобального военного конфликта явился кризис начала 1930-х годов, который в свою очередь стал следствием неурегулированности хозяйственных вопросов после Первой мировой войны [Eckes, 1976: 1, 21]. Из этого следовало, что никогда больше Соединенные Штаты не должны допускать краха мировой экономики. Их долгосрочные интересы требуют создания на основе многосторонних торговых и финансовых механизмов открытой международной системы, «незаменимой для послевоенной безопасности» [Notter, 1949: 128]. К тому же уже тогда было ясно, что из-за истощения всех воюющих стран США надолго останутся единственной державой, способной решать тяжелейшие задачи послевоенного восстановления.

Масштабы боевых действий и взаимное ослабление вовлеченных в них государств открывали перед Соединенными Штатами блестящие перспективы для утверждения своей экономической и политической гегемонии в мире. Америка, как заявил Ф. Рузвельт в послании Конгрессу 3 января 1940 г., призвана сыграть «руководящую роль в тот момент, когда наступит время восстановления всеобщего мира»⁴. Тем самым он дал понять изоляционистам внутри страны и потенциальным союзникам США за рубежом, что его администрация не повторит ошибок В. Вильсона и примет самое активное участие в формировании нового мирового порядка. Несмотря на то что Соединенные Штаты еще не вступили в войну, а самому Ф. Рузвельту нужно еще было получить у американских избирателей мандат на беспрецедентное третье четырехлетие, работа по подготовке планов послевоенного мироустройства развернулась в Государственном департаменте сразу после заявления президента.

Уже летом 1940 г., после капитуляции Франции, Госдеп в тесном взаимодействии с мозговым трестом «восточного истеблишмента» — нью-йоркским Советом по международным отношениям (СМО) — при финансовой поддержке со стороны «Фонда Рокфеллера» развернул работу над «Проектом по изучению войны и мира» [подробнее см.: Schulzinger, 1984: 63–64]. Проведенный анализ показал, что рынок Западного полушария слишком узок для американской индустрии, поэтому в случае оккупации немцами континентальной Европы необходимо расширить «жизненное пространство» США

---

⁴ Roosevelt F.D. The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940. New York: Macmillan, 1941. P. 6.

за счет интеграции с каким-либо иным регионом. Наиболее благоприятными считались перспективы объединения с государствами тихоокеанского бассейна, нуждавшимися в американских станках и оборудовании. Проблема избыточного сельскохозяйственного производства решалась подключением Англии, бывшей тогда одним из крупнейших потребителей импортного продовольствия. Выводы и рекомендации экспертов легли в основу разработанной СМО концепции «большого пространства» — программы интеграции «негерманского мира» как первоначального ядра американоцентричной структуры мирового хозяйства. В ближайшем приближении она охватывала Западное полушарие, Великобританию и ее колонии, голландскую Ост-Индию, Китай и даже Японию [Shoup, 1977].

Первоначально «большое пространство» мыслилось как совместное англо-американское предприятие, причем функции партнеров четко разграничивались: Англия, впервые в своей истории оказавшаяся в роли воюющей державы без единого союзника, должна была вести войну с противником, какого она не знала со времен Наполеона, а США благодаря их мощному промышленному потенциалу — стать, как выразился Ф. Рузвельт в речи по радио 29 декабря 1940 г., «великим арсеналом демократии»⁵. Памятуя о печальном для Америки опыте невыполнения Англией и другими союзными государствами долговых обязательств после Первой мировой войны, Ф. Рузвельт и его окружение не были склонны ссужать ее деньгами. Для США, по их мнению, предпочтительнее было самим производить вооружения и поставлять их Англии, но не в качестве дара, а в обмен на определенные «статьи», получаемые от Британской империи наряду с подлежащими возврату неповрежденными или неиспользованными материалами.

Идея президента нашла воплощение в принятом в марте 1941 г. законе о ленд-лизе. В конце 1940 — начале 1941 г., пока билль составлялся и проходил через Конгресс, появилось немало планов, согласно которым Англии предлагалось продать ее прямые инвестиции в США, ценности в Южной Америке, запасы виски и шерсти, созданные в целях экспорта в Америку [Hancock, Growing, 1949: 233]. Лондон должен был также использовать все наличные золотые резервы. Правительство Уинстона Черчилля сначала сопротивлялось, но в январе 1941 г. пошло на переговоры о реализации части своих инвестиций в США на сумму 100 млн долл., а затем согласилось и на передачу Вашингтону данных об имперских финансовых ресурсах [Hall, 1955: 274]. Некоторые американские

---

⁵ Hull C. The memoirs. Vol. 1. New York: Macmillan, 1948. P. 873

деятели шли дальше, требуя передачи под контроль Соединенных Штатов таких бастионов английской мощи, как Гибралтар, Сингапур, Суэц и Фолклендские острова, а также участия в развитии ресурсов Британской империи⁶. Позднее в урегулировании чувствительного для Англии колониального вопроса Вашингтон выдвигал идею деколонизации ее владений и международной опеки над ними. Только отчаянное военное и финансовое положение, в котором оказался «гордый Альбион» в 1939–1941 гг., вынуждало Лондон идти на сотрудничество с США на таких условиях.

При решении международных финансовых проблем Госдепартаменту пришлось иметь дело с сильным конкурентом в лице Министерства финансов США. С началом войны оно стало одним из главных каналов связи между американским правительством и различными британскими миссиями, поэтому, когда в начале мая 1941 г. для обсуждения проблем ленд-лиза в Вашингтон прибыл Дж. Кейнс, ему пришлось встречаться не с К. Хэллом, а с Г. Моргентау [Dogmael, 1978: 15–17]. Переговоры продолжались несколько месяцев, но из-за разногласий, а порой просто вследствие недостатка информации дело продвигалось крайне медленно. В самом начале по инициативе Ф. Рузвельта был поднят вопрос о международном финансовом урегулировании после окончания войны. 16 мая 1941 г. президент писал К. Хэллу: «Я хочу, чтобы Вы разработали всестороннее соглашение между Соединенными Штатами и британским правительством относительно компенсации, которая будет предоставлена нам британцами взамен материалов, отправленных им по закону о ленд-лизе <...>. Я допускаю, что такое соглашение не обеспечит нам сразу же возвращение денег, тем не менее я думаю, что Вам следует проконсультироваться с Моргентау относительно расширения положений соглашения»⁷. К. Хэлл немедленно поручил своему заместителю Дину Ачесону подготовить соответствующий документ.

Поскольку Дж. Кейнс находился в Вашингтоне, Д. Ачесону показалось целесообразным обсудить содержание соглашения с ним. Англичанин не только согласился помочь, но и сам подготовил проект, который, по оценке Д. Ачесона, сводился к констатации того, «что ленд-лиз следует расширить; что британцы должны вернуть то, что можно вернуть; что не должно возникать никаких обязательств; и что они были бы рады обсудить другие вопросы». Иными словами, по его мнению, проект Дж. Кейнса был непри-

---

⁶ Current History, July 1942. P. 329–334.

⁷ U.S. Department of State. Foreign relations of the United States (далее — FRUS), 1941, v. III, Washington: Government Printing Office, 1963. P. 5.

емлем⁸. В конце июля, когда появилась американская версия документа, дебаты вспыхнули с новой силой. В основном они шли вокруг ст. VII, касавшейся имперских преференций, а также валютного и торгового контроля. Дж. Кейнс заявил, что без проведения имперской конференции британский кабинет не может изменить существующий порядок вещей⁹. В его несогласии американцы рассмотрели желание английского правительства не пустить их на рынки своих колоний и доминионов. Дж. Кейнс, возмущался глава Отдела торговых договоров и соглашений Госдепа Гарри Хокинс, не понял, что «идея недискриминации <...> является не философской концепцией, а скорее вопросом, касающимся практической политики и экономики. <...> В первую очередь он не может понять, что после жертв, на которые призывают пойти американский народ, чтобы помочь Великобритании в ее нынешнем тяжелом положении (даже притом, что мы тем самым помогаем и себе), наше общественное мнение просто не потерпело бы дискриминации наших товаров в Великобритании и, по примеру Великобритании, в других странах»¹⁰.

Г. Хокинс ошибался. Дж. Кейнс все понял, но у него еще не было ясной, продуманной до мелочей концепции, позволявшей найти компромисс между требованиями свободы торговли и конвертируемости валют в многостороннем формате, на чем настаивали американские представители, с одной стороны, и системной двусторонних торговых соглашений, которую отстаивало британское правительство, — с другой. Одно практически исключало другое. На обратном пути в Англию Дж. Кейнс в письме объяснил Д. Ачесону: «Моя жесткая реакция на слово “дискриминация” является следствием моего убеждения, [выраженного] столь пылко, что наши руки должны быть свободны, чтобы сделать что-нибудь новое и лучшее в послевоенном мире...»¹¹.

Задача, вставшая перед Дж. Кейнсом, действительно казалась неразрешимой. Он создал угрозы, которые создавал многосторонний подход для британских рынков и финансовых резервов. Однако, подобно У. Черчиллю и консерваторам, он понимал потребность в американской помощи для восстановления британской экономики и обеспечения стратегических интересов страны на Европейском континенте и в Средиземноморье. Кроме того, помимо необходимости примирения двух взаимоисключающих

---

⁸ FRUS, 1941, v. III, P. 11–13.

⁹ Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York: Norton, 1969. P. 29–30.

¹⁰ FRUS, 1941, v. III, P. 21–22.

¹¹ Ibid. P. 17.

подходов любой план должен был учитывать реальное положение дел в отношениях между Великобританией и США, т.е. между должником и кредитором. Трезво оценив возможности Англии и приняв во внимание требования американцев, без участия которых немислимо было создать какой-либо стабильный международный экономический порядок, Дж. Кейнс решил начать с выработки механизма регулирования валютных вопросов.

Первый вариант плана был подготовлен им уже в конце 1941 г., но затем многократно переделывался. В начале августа 1942 г. Казначейство получило окончательный проект, с которым решило ознакомить американцев. Для урегулирования отношений в валютно-кредитной сфере после завершения войны Дж. Кейнс предлагал создать Международный клиринговый союз (МКС). Каждая страна, пожелавшая стать его членом, могла быть представлена в нем своим центральным банком или приравненным к нему институтом. МКС получал право выпускать собственную резервную валюту, которую по сочетанию французских слов «банк» и «золото» автор назвал «банкор». Она строго фиксировалась по отношению к золоту и должна была приниматься в качестве его эквивалента всеми членами союза для урегулирования международных балансов. Смысл состоял в том, что государства с временным дефицитом платежного баланса могли бы покрывать свое дебетовое сальдо за счет кредитов МКС в банкорах в рамках установленных квот или «овердрафта» для погашения международных долгов. Руководство союзом предполагалось осуществлять правлением, где наибольшим числом голосов обладал представитель страны, располагавшей самой крупной квотой. США и Англия считались государствами-основателями и занимали особую позицию. Они, в частности, должны были установить первоначальный паритет собственных валют, выраженный в банкорах, и отношение банкора к золоту. План Дж. Кейнса предусматривал сохранение валютных зон, в первую очередь стерлинговой [Harrod, 1951: 525–585].

Американским визави Дж. Кейнса оказался сотрудник Министерства финансов Гарри Декстер Уайт. Именно ему 14 декабря 1941 г., т.е. через три дня после официального вступления США в войну, Г. Моргентау поручил составить «меморандум и план создания Межсоюзнического стабилизационного фонда» [Dorgmael, 1978: 40]. Две недели спустя Г. Уайт представил 12-страничный меморандум, в котором рекомендовал еще до окончания войны учредить два отдельных института — Межсоюзнический банк и Межсоюзнический стабилизационный фонд. Получив одобрение, к маю 1942 г. Г. Уайт подготовил обширный «предварительный проект», в котором четко определил задачи обоих органов. Если

банк был призван обеспечивать долгосрочное кредитование своих членов, а также служить посредником между частным капиталом стран-кредиторов и получателей, то смысл деятельности фонда сводился к предоставлению входившим в него государствам иностранной валюты для покрытия временных разрывов в платежном балансе.

Осуществлять свои операции фонд мог только через правительственные органы. Его финансовые ресурсы складывались из взносов государств-членов, причем размер квоты определял как роль и значение данной страны в фонде, так и предел суммы в иностранной валюте, на получение которой она могла рассчитывать. В соответствии с квотой распределялось и число голосов в руководстве фонда. Ссылаясь на величину и качество (обеспеченность золотом) американского вклада, Г. Уайт полагал, что США должны иметь достаточно голосов, чтобы блокировать любое неудобное им решение. Жесткими были и условия вступления в фонд. Для членства в нем государство брало на себя обязательство производить изменение паритета своей валюты только с согласия правления фонда, не допускать циркуляции золота в качестве средства обмена на внутреннем рынке и сосредоточить свой золотой запас в центральном банке или в казначействе, отказаться от контроля за обменным курсом валют и не вступать в двусторонние клиринговые соглашения, установить программу постепенного снижения тарифов и без одобрения не допускать никаких отклонений в выполнении своих зарубежных обязательств [Dormael, 1978: 43–44, 51].

Первоначально Г. Уайт не предполагал создавать какую-либо международную валюту, но даже при необходимости ее введения полномочиями выпускать ее, по его мнению, должен был обладать Межсоюзнический банк, а не Стабилизационный фонд¹². Такая позиция не совпадала с точкой зрения Г. Моргентау, считавшего, что фонд должен иметь свою безналичную валютную единицу. Так появилась идея создания валютной единицы под названием «унитас», стоимость которой приравнивалась к 10 долл. По словам Раймонда Ф. Майкселла, в 1942–1947 гг. работавшего в Отделе валютных исследований Министерства финансов США и состоявшего советником американской делегации на конференции в Бреттон-Вудсе, Г. Моргентау был убежден, что унитас будет лучшим решением всех проблем, связанных с множеством валютных курсов. Г. Уайт, хорошо представлявший политические и экономиче-

---

¹² Horsefield J.K. The International Monetary Fund, 1945–1965. Vol. 3 — Documents. Washington: International Monetary Fund, 1969. P. 78–82.

ские препятствия для введения универсальной валюты, предлагал ее конвертируемость как более реалистичное решение¹³.

Некоторые исследователи полагают, что для Г. Уайта идея создания унитаса была не более чем репликой на концепции Дж. Кейнса [Boughton, 2002: 16]. На самом деле его в то время больше занимала мысль поставить в центр послевоенной валютной системы не некую «безродную» единицу, а базировавшийся на прочной золотой подушке доллар. Уже во второй половине 1930-х годов с нарастанием военной опасности в поисках тихой гавани за океан потекли европейские и репатриировались американские капиталы. Золотые запасы США быстро росли: в 1934 г. они составляли 7877 млн в девальвированных долларах, а в 1940 г. — уже 20049 млн [Cagan, 1965: 341]. Концентрация золота в Америке обеспечивала условия для превращения доллара в наиболее надежную резервную валюту для стран золотодевизного стандарта. Кроме того, резкое увеличение в США в годы войны объемов ликвидности, главным образом билетов и банкнот ФРС, способствовало кредитной экспансии американского капитала, которая не замыкалась государственными границами. Огромное количество долларов и деноминированных в них ценных бумаг оседало в валютных резервах других стран. Доллар становился главным международным средством обращения, гораздо более удобным, чем золото, перевозка которого в условиях войны была сопряжена с большим риском и высокими расходами [Стадниченко, 1970: 91–92]. В начале 1943 г. Г. Уайт справедливо отмечал: «Доллар является единственной крупной валютой, к которой существует всеобщее доверие. Он, вероятно, и станет краеугольным камнем послевоенной структуры стабильных валют»¹⁴.

Г. Уайт также считал, что с формированием новой финансовой системы следует поспешить, так как «было бы нецелесообразно, а то и просто опасно в конце войны оказаться неподготовленными для грандиозных задач экономического восстановления во всем мире»¹⁵. Для обсуждения его проекта со всеми заинтересованными странами он предлагал провести «конференцию министров финансов Объединенных и Ассоциированных Наций»¹⁶. 12 мая 1942 г. Г. Моргентау поздравил Г. Уайта с успешным выполнением задания, а три дня спустя направил его план Ф. Рузвельту, подчеркнув

---

¹³ Mikesell R.F. The Bretton Woods debates: a memoir. Essays in international finance, № 192. Princeton University Department of Economics, March 1994. P. 7.

¹⁴ White H.D. Postwar currency stabilization // American Economic Review. March 1943. Vol. XXXIII, № 1, Part 2, Supplement. P. 387.

¹⁵ Mikesell R.F. Op. cit. P. 7.

¹⁶ Horsefield J.K. Op. cit. P. 39.

в сопроводительном письме необходимость созыва такой конференции в Вашингтоне¹⁷. Президент предложил продолжить работу совместно с Госдепартаментом и Экспортно-импортным банком. 20 мая Г. Моргентау послал копию плана К. Хэллу, сообщив ему о своей переписке с Ф. Рузвельтом. В ответ К. Хэлл заявил, что он «был бы рад, если бы Государственный департамент принял активное участие в изучении Вашего интересного предложения», и предложил увязать работу Г. Уайта с деятельностью образованного при его департаменте Совещательного комитета по послевоенной внешней политике. Представлять Госдеп он назначил Лео Пасвольски и Герберта Фейса¹⁸.

В конце августа 1942 г. американцы и англичане наконец обменялись планами. 13 октября Г. Моргентау и Г. Уайт отправились в Великобританию, где провели две недели. В Лондоне Г. Уайт неоднократно встречался с Дж. Кейнсом и другими официальными представителями британского Казначейства. По возвращении в Америку он на несколько месяцев вообще исчез из поля зрения британцев, так что все дальнейшие переговоры они вынуждены были вести главным образом с представителями ведомства К. Хэлла. Англичане продолжали отстаивать идею Клирингового союза, но достигнуть взаимоприемлемого компромисса не удавалось [Dogmae], 1978: 58, 69–70]. Одновременно англичане вели консультации с представителями Австралии, Канады, Индии, Новой Зеландии и Южной Африки [Helleiner, 2010: 624]. Их результатом стали небольшие изменения, которые Дж. Кейнс внес в свой план, отправив откорректированный вариант Г. Уайту.

Министерство финансов США, желая сделать свой проект привлекательным для большего числа стран, путем сложной комбинации двусторонних и многосторонних дискуссий тоже проводило мобилизацию сторонников. Например, идею о созыве международной конференции в целях создания особого фонда для регулирования послевоенных валютно-финансовых отношений США впервые озвучили на межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в 1942 г. [Helleiner, 2010: 624]. Г. Уайт и его помощники продолжали корректировать проект. Только в ноябре–декабре 1942 г. было сделано шесть вариантов. В феврале 1943 г. Г. Уайт послал очередную пересмотренную версию Дж. Кейнсу, который уже дошел до понимания того, что главные цели Клирингового союза могли быть достигнуты и при Стабилизационном фонде.

---

¹⁷ FRUS, 1942, v. I. P. 171–172.

¹⁸ Ibid. P. 190.

В начале апреля 1943 г. Г. Моргентау предложил Ф. Рузвельту предать гласности доработанный Г. Уайтом план, однако президент отказался, ссылаясь на то, что его публикация даст повод говорить о наличии серьезных разногласий между союзниками. В дело вмешался случай. 5 апреля лондонская «Financial Times» без злого умысла изложила в передовице все детали американского плана [Dorgmael, 1978: 76–77]. Два дня спустя проекты Г. Уайта и Дж. Кейнса были опубликованы. Общей их чертой была идея о том, что главную роль в будущей международной валютной системе должны играть государства. Оппонентами данной точки зрения выступали финансовые традиционалисты, как британские, так и американские, которые не хотели терять «суверенитет» центральных банков и отказываться от жесткой дисциплины «золотого стандарта» [Kuttner, 1991: 36].

Различия касались в основном трех аспектов. Во-первых, в проекте Г. Уайта предполагалось более полное объединение капиталов, нежели в плане Дж. Кейнса, предусматривавшем лишь действия на клиринговой основе, т.е. без использования в момент осуществления наличных средств. Во-вторых, британский проект предоставлял каждой стране право самой устанавливать курс национальной валюты, американский требовал сделать его фиксированным, а любое изменение производить лишь с согласия международного органа. Наконец, третье различие предопределялось желанием США как самого крупного потенциального кредитора в послевоенном мире ограничить размер кредитного фонда 5 млрд долл., тогда как англичане требовали вдвое увеличить его¹⁹. С точки зрения американцев, расширение объема ликвидности фонда было отнюдь не обязательно, но потенциально угрожало неуправляемой инфляцией [McElvaine, 1984: 38].

Разрешать возникавшие разногласия становилось все сложнее. К середине 1943 г. стало ясно, что главным архитектором послевоенного восстановления будут США, а не Великобритания. Пиком «романа двух империй» явилась конференция в Касабланке в январе 1943 г. В тот момент последствия событий на советско-германском фронте не были полностью ясны ни Ф. Рузвельту, ни У. Черчиллю, ни их советникам, все еще полагавшим, что послевоенный мир будет представлять собой нечто вроде *tabula rasa* для англо-американцев. Более подробная информация о победе под Сталинградом и последующие успехи Красной армии способствовали тому, что после Касабланки все разговоры Ф. Рузвельта о совместном с англичанами управлении миром прекратились, усту-

---

¹⁹ Federal Reserve Bulletin, June 1943. P. 501–521.

пив место глубокой озабоченности относительно роли, которую после войны будет играть Советский Союз. К началу Тегеранской конференции «большой тройки» в ноябре 1943 г. вместо идеи Рах Anglo-Americana главное место в американском планировании заняла концепция «четырёх полицейских». Согласно ей великие державы — США, Англия, СССР, Китай — должны были выступать в роли «полицейских», гарантов сохранения всеобщего мира, колониальные империи — расформироваться, а остальные страны — разоружаться. Для осуществления указанных принципов предполагалось создание международной организации, куда вошли бы все миролюбивые государства²⁰ [Кимболл, 1990: 5].

Реализация «великого замысла» во многом зависела от согласия между четырьмя основными державами, в первую очередь от Великобритании. Учитывая расстановку сил внутри британского правящего класса, Ф. Рузвельт мог рассчитывать на высокую степень сотрудничества со стороны англичан. Часть английской элиты — «имперские изоляционисты» во главе с министром авиационной промышленности лордом Бивербруком и госсекретарем по делам Индии Л. Эмери выступали против предлагаемой американцами системы многосторонней торговли, утверждая, что после войны экономика страны потребует применения протекционистских мер, чтобы вновь стать конкурентоспособной [Kimball, 1991: 86]. Однако гораздо более влиятельной была точка зрения, согласно которой Англия значительно выиграет от расширения торговли и в союзе с США сохранит свой статус великой державы [Ryan, 1987: 16.]. Открытым оставался лишь вопрос об условиях подобного союза. Англичане были весьма заинтересованы в получении максимальной экономической помощи как по линии международных организаций, так и прямо от США. На это и были нацелены их усилия в ходе переговоров по валютно-финансовым вопросам осенью 1943 г.

В начале сентября представительная британская делегация во главе с Ричардом Ловом прибыла в Соединенные Штаты. В Вашингтоне они встретились с сотрудниками Г. Morgентау. Переговоры продолжались с 15 сентября по 9 октября, всего состоялось девять встреч. С каждой стороны присутствовали не менее 10 человек, но дебаты монополизировали Дж. Кейнс и Г. Уайт. Им удалось достичь определенного прогресса, документальным подтверждением чего стало «Совместное заявление экспертов Объединенных

---

²⁰ FRUS, 1943. v. III. P. 39; Eden A. The Reckoning. Boston: Houghton Mifflin, 1965. P. 46–57; Welles S. Seven Major Decisions That Shaped History. New York; London: Harper, 1951. P. 178–179.

и Ассоциированных Наций о создании Международного стабилизационного фонда» [Steil, 2013: 173–175]. Однако даже после этого оставалось немало вопросов, вызывавших разногласия.

Дискуссии продолжились в январе–феврале 1944 г. Ощущавшаяся во всем мире потребность в американских капиталах обеспечивала США статус одного из главных архитекторов послевоенного мирового порядка. Г. Уайт знал, что сила на его стороне, и использовал ее с максимальной выгодой. В то же время Дж. Кейнс прекрасно понимал, что в случае углубления разногласий можно остаться вообще без какого-либо плана. Он провел серию консультаций с Г. Уайтом и его сотрудниками, на которых американский проект переделывался еще несколько раз. В итоге британцы приняли его, внося ряд важных поправок. Фонд должен был выступать пассивным игроком валютного рынка, не мог оперировать национальными валютами и проводить эмиссию унитасов. Объем его ресурсов увеличивался до 10 млрд долл., 12,5% его уставного капитала должно было составлять золото, а остальное — ценные бумаги государств-членов [Моисеев, 2004: 83–85]. К апрелю 1944 г. американские и британские переговорщики наконец достигли соглашения по Совместному заявлению о принципах, в котором обрисовывались цели и механизмы действия фонда.

Г. Моргентау и Г. Уайт хотели, чтобы оно было одновременно опубликовано 21 апреля 1944 г. в Вашингтоне, Лондоне, Москве и Чунцине, а также в ряде столиц латиноамериканских стран. Однако союзники не спешили. Англичан удалось уговорить, а в СССР все еще «изучали» проект. Советский Союз изначально не проявлял большого интереса к планам валютной стабилизации, однако в Вашингтоне считали, что по политическим мотивам было важно добиться его присоединения к совместному заявлению. За четыре дня до установленной даты публикации Г. Моргентау пошел на уловку, сообщив советскому наркому финансов, что англичане уже дали свое согласие на нее, хотя реально получить его удалось только 20 апреля. В итоге утром следующего дня был дан положительный ответ из Москвы. После обнародования заявления ничто уже не препятствовало проведению международной конференции [Dormael, 1978: 135–140].

* * *

Несмотря на оптимизм Г. Моргентау, далеко не все в Вашингтоне были уверены, что конференция окажется успешной. Более того, кое-кто сомневался, что она вообще состоится. Немало людей, которые занимались послевоенным планированием и были причастны к высшим тайнам, опасались, что война может закончиться

прежде, чем они заложат институциональные основы нового мирового порядка. Весной 1944 г., когда в Англии завершалась подготовка к намеченной на начало июня высадке союзников в Нормандии, победа в Европе казалась близкой. Ожидалось, что вслед за поражением Германии в странах антигитлеровской коалиции вполне мог произойти всплеск экономического национализма, поэтому с решением долгосрочных проблем глобальной политической и экономической организации мира необходимо было поспешить. К этому же подталкивала и внутривнутриполитическая ситуация в Америке. 1944 г. был годом выборов, на которых Ф. Рузвельту в четвертый раз нужно было просить у сограждан мандат на новый 4-летний срок. В июле должны были начать работу конвенты Республиканской и Демократической партий, на которых делегатам предстояло выдвинуть кандидатов на пост президента. Успех на крупной международной конференции, по мнению советников Ф. Рузвельта, был бы неплохим козырем в его избирательной кампании.

После публикации Заявления о принципах Г. Morgентау обратился к президенту с просьбой одобрить дату начала конференции и пригласить на нее представителей других стран. Предполагалось, что первая пленарная сессия состоится 26 мая 1944 г. Однако после консультаций с англичанами сроки были передвинуты [Dorgmael, 1978: 140]. 28 апреля Ф. Рузвельт окончательно одобрил предложения Министерства финансов о месте и сроках проведения конференции, которая, по словам одного исследователя, должна была открыть путь «в новый век глобального сотрудничества <...> длительного мира и неуклонного повышения уровня жизни» [Woods, 1989: VI]. 25 мая госсекретарь направил официальные приглашения правительствам 44 стран антигитлеровской коалиции прислать своих представителей на международную валютно-финансовую конференцию, открытие которой было намечено на 1 июля 1944 г. в городе Бреттон-Вудсе в штате Нью-Гемпшир.

Соединенные Штаты должны были представлять 12 человек, тщательно отобранных с таким расчетом, чтобы максимально охватить общественно-политический спектр и бюрократический аппарат, причастных к формированию кредитно-денежной политики. Во главе американской делегации, естественно, встал сам Г. Morgентау. Он же затем председательствовал на конференции. Его заместителем был назначен судья Фред Винсон, в то время руководивший Управлением экономической стабилизации, а впоследствии занимавший посты министра финансов и председателя Верховного суда. Исполнительную ветвь власти представляли Дин Ачесон от Государственного департамента и Лео Кроули от Управления внешнеэкономических связей. От Федеральной резервной

системы в состав делегации вошел председатель Совета управляющих ФРС Марринер Экклз. Памятуя об опыте В. Вильсона, Ф. Рузвельт и Г. Моргентау не обошли вниманием Конгресс. В делегацию включили четырех законодателей (от каждой палаты и от двух ведущих партий): председателя сенатского Комитета по банкам и денежному обращению демократа из Нью-Йорка Роберта Ф. Вагнера и члена того же комитета республиканца Чарльза Тоби из Нью-Гемпшира, а от Палаты представителей — демократа Брента Спенса из Кентукки и республиканца Джесси Уолкотта из Мичигана. Делегатами от «общественности» были президент Первого национального банка Чикаго Эдвард Браун и единственная женщина в группе профессор экономики Мэйбл Ньюкамер²¹.

Г. Уайт, формально считавшийся членом американской делегации, никаких постов в ней не занимал, но фактически был руководителем большой (более 30 человек) и хорошо организованной группы «технических» экспертов из числа сотрудников Министерства финансов, Госдепартамента, ФРС и других правительственных органов, а также частных банков и корпораций. На их плечи в основном и легла «черновая работа» во время подготовки и проведения конференции. Трудностей было немало. Многие делегаты, включая представителей Конгресса, были знакомы с предложениями о фонде и банке не больше, чем обычные граждане. Сотрудники Г. Уайта подготовили обширные меморандумы по таким спорным темам, как распределение квот в МВФ, золотые вклады, доступ к ресурсам фонда, структура управления им и т.д. В целях просвещения членов делегации и широкой общественности Министерство финансов США 10 июня 1944 г. выпустило специальный комментарий под названием «Вопросы и ответы о Международном валютном фонде», который содержал 35 вопросов об МВФ и детальные ответы на них.

Остававшееся до открытия конференции время Г. Уайт решил провести с пользой, попытавшись лучше подготовить свою «техническую группу» и по возможности урегулировать спорные вопросы с англичанами. 15 июня 1944 г. его сотрудники собрались в «Claridge Hotel» в Атлантик-Сити, куда Г. Уайт не пригласил ни одного официального делегата США. Через четыре дня туда стали прибывать некоторые иностранные делегации, с которыми встречались Г. Уайт и представители его группы. Г. Моргентау высказывал сомнения относительно подобных консультаций, поскольку

---

²¹ Proceedings and documents of United Nations Monetary and Financial Conference (далее — Proceedings), Bretton Woods, N.H., July 1–22, 1944. 2 vls. Washington, D.C.: Department of State, 1948. P. 303.

внешне создавалось впечатление, что процесс принятия решений передавался из рук официальных лиц государств техническим экспертам. По объяснению Г. Уайта, встречи носили «исследовательский» характер. Их целью было выяснить различия во мнениях и тем самым обеспечить основу для будущих дискуссий. В частности, рассматривались такие вопросы, как квоты, объем вносимого золота, распределение голосов, степень гибкости валют, меры в отношении стран-должников и т.д. [Dogmael, 1978: 169–171].

В целом «репетиция» в Атлантик-Сити оказалась не столь успешной, как рассчитывал Г. Уайт. Из-за мер безопасности, введенных после высадки союзников во Франции, график трансатлантических рейсов был нарушен. В результате лайнер «Королева Мэри», на борту которого находились делегации Великобритании и европейских правительств в изгнании, прибыл в Нью-Йорк лишь 23 июня, и только на следующий день американцы и англичане смогли начать консультации. Ограниченный срок в пять рабочих дней не позволил обсудить ряд сложных вопросов, а тем более найти им решения, которые не удалось выработать за предшествующие два года. Например, переговорщики так и не смогли полностью согласовать статьи о банке [подробнее об американско-британских переговорах в Атлантик-Сити см.: Steil, 2013: 192–199]. Вечером 30 июня делегации погрузились в специальный поезд и отбыли в Бреттон-Вудс. Туда же из Вашингтона отправился второй спецсостав с теми участниками конференции и обслуживавшими ее лицами, которые находились в американской столице.

Выбор в качестве места проведения конференции маленького курортного городка, затерявшегося в сельской глубинке штата Нью-Гемпшир, был неслучаен. Г. Моргентау, чье ведомство отвечало за устройство встречи, хотел перенести ее подальше от охваченного суетой военного времени Вашингтона, чтобы в прохладе, не задыхаясь от июльской духоты столицы, ее участники могли бы подумать о вечном, т.е. о планах послевоенного валютного устройства. Отель «Mount Washington», названный по имени близлежащего горного пика, был недавно отремонтирован и считался одним из самых роскошных летних курортов США. Однако далеко не все участники могли разместиться в нем. На конференцию приехали делегации из 44 стран, 16 из них возглавлялись министрами финансов²². Вместе с советниками и экспертами общее

---

²² Наряду с США, Великобританией, СССР и Канадой в конференции приняли участие страны Британского содружества (Австралия, Индия, Новая Зеландия и Южная Африка), европейские правительства в изгнании (Бельгия, Дания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Чехословакия и Югославия), французская делегация во главе с Пьером Мендес-Франсом, союзники в Азии (Китай и

число прибывших составляло около 730 человек, т.е. в три раза больше, чем первоначально ожидалось, поэтому многим пришлось поселиться в других гостиницах на расстоянии 5 миль.

Конференция торжественно открылась 1 июля 1944 г. В приветственном послании ее участникам Ф. Рузвельт отмечал: «Программа, которую вам предстоит обсудить, составляет, конечно, лишь одну фазу мероприятий, которые должны быть проведены странами, чтобы создать стабильный и гармоничный мир. Однако это важнейшая фаза, затрагивающая обыкновенных людей повсюду, поскольку она касается основы, на которой они смогут обмениваться друг с другом богатствами своей земли и продуктами своей промышленности и изобретательности»²³. Первоначально предполагалось завершить конференцию 19 июля, т.е. за день до начала конвента Демократической партии, но продлилась она до 22 июля, когда был подписан Заключительный акт.

Как и планировалось, на конференции было образовано три комиссии — по Международному валютному фонду, по Международному банку реконструкции и развития и по вопросам международного финансового сотрудничества. Первую Г. Уайт возглавил сам, а руководство второй предложил Дж. Кейнсу, нейтрализовав тем самым наиболее серьезного своего оппонента, способного расстроить планы американцев. Дж. Кейнс, озабоченный тем, что послевоенный мир мог остаться без адекватных механизмов расширения иностранных инвестиций и помощи в восстановлении, принял предложение. Во главе третьей комиссии встал глава мексиканской делегации Эдуард Суарес²⁴. Помимо них было образовано множество подкомитетов и рабочих групп, обсуждавших детали проекта. Сессии проходили в течение всего дня. Поскольку разработка статей, касавшихся банка, изначально отставала, работы, сделанные по фонду, в частности положения об организации и структуре исполнительного совета, в комиссии Дж. Кейнса часто использовали в качестве отправной точки. Неслучайно по ряду параметров МБРР стал зеркальным отражением фонда. Многие разногласия урегулировались путем неформальных переговоров и двусторонних встреч, особенно между Соединенными Штатами и Великобританией.

Активную роль «на полях» конференции играла «команда» Г. Уайта. Участие в дискуссиях делегаций многих стран, каждая из

Филиппины), на Ближнем Востоке и в Африке (Египет, Эфиопия, Иран, Ирак и Либерия), а также группа из 19 латиноамериканских республик, среди которых отсутствовала Аргентина.

²³ Proceedings... P. 71.

²⁴ Ibid. P. VI.

которых преследовала собственные интересы, легко могло превратиться в соревнование по умению вести дебаты. Повестка дня была крайне насыщенной. Времени на разъяснения, уговоры и сближение порой прямо противоположных позиций оставалось немного, а использовать его нужно было максимально эффективно [Dormael, 1978: 156–157]. Сам Г. Уайт, спавший не более пяти часов в сутки, поражал иностранных делегатов своей неистощимой энергией. Среди его сотрудников выделялся Эдвард Бернштейн, которого многие участники конференции считали своего рода «мозговым центром». Как вспоминал 40 лет спустя член кубинской делегации Филипе Пазос, Э. Бернштейн день за днем терпеливо отвечал на все вопросы делегатов, которые совсем не знали или путали положения статей о фонде и о том, как он будет работать. Профессор Университета штата Огайо Альфред Э. Икес-мл. писал: «Как технический сотрудник Бернштейн не имел себе равных, и он неоднократно производил впечатление на делегатов и репортеров своими энциклопедическими знаниями. Как с похвалой отзывался другой американский эксперт, Бернштейн был “действительно удивительным мыслительным и разговорным механизмом”. Вы могли нажать на кнопку, и материал выливался с совершенной ясностью. Он работал 27 или 28 часов в сутки, не подавая признаков перенапряжения» [Eckes, 1976: 139].

У Великобритании был только один «козырь», но самого высшего достоинства — Джон М. Кейнс. Бреттон-Вудская конференция стала для него последним и самым грандиозным событием в жизни. Его авторитет и дружба с американским президентом превращали его в некоего «экономического гуру». Участники конференции ловили каждое его слово. Будучи уже в преклонных годах, Дж. Кейнс с трудом боролся с усталостью и слабостью, но все же везде успевал. Ни одно важное решение не принималось без его одобрения. Один из членов британской делегации профессор Лондонского университета Лайонел Роббинс писал: «В такие моменты я часто думал, что Кейнс, должно быть, является одним из самых замечательных людей, которые когда-либо жили. Быстрая, подобная полету птицы, логика, интуиция, яркое воображение, широкий кругозор и прежде всего несравненный здравый смысл — все это сочеталось в нем и выводило его за рамки понимания обыкновенным человеком <...> перед нами — чистый гений. Американцы сидели очарованные, когда богоподобный пришелец пел, окруженный золотым свечением. После его выступлений дискуссии всегда были очень краткими» [Moggridge, 1995: 740]. Однако, несмотря на несомненные достоинства Дж. Кейнса, успехам обсуждений во многом способствовало то, что, по словам

Э. Бернштейна, «большинство драм свершилось до конференции» в ходе американо-британских переговоров [Black, 1991: 45].

Важнейшей темой обсуждений в течение первых двух недель были положения о Международном валютном фонде и проблемы, связанные с будущим золота и новой резервной валюты. О банко-рах и унитасах даже не вспоминали. Вопрос о возврате к «золотому стандарту» тоже не ставился, ибо всем было ясно, что в условиях, когда больше половины мировых запасов золота сосредоточилась в Соединенных Штатах, осуществить возврат к прежней системе со свободным обменом банкнот на золото будет не просто нелегко, а, скорее всего, невозможно. Более естественным казалось положение, когда США как государство, обладавшее крупнейшим запасом золота и являвшееся кредитором многих других стран, предоставят свою валюту в качестве международного средства обращения. Сделать доллар, эмиссия которого бесконтрольно оставалась в руках американских правящих кругов, законным международным средством обращения — это было одной из главных целей Г. Уайта. В соответствии с уставом МВФ США брали на себя обязательство сохранять отношение доллара к золоту неизменным (35 долл. за тройскую унцию) и свободно продавать золото за доллары другим странам. Последние в свою очередь признавали их валюту конвертируемой и тем самым обязывались также обменивать ее на золото на тех же условиях, что и США. Из этого условия вытекало, что валюты стран-участниц должны были иметь фиксированный золотой паритет, а поскольку отношение доллара к золоту было величиной постоянной, их паритет выражался как отношение к доллару, благодаря чему американская валюта стала своего рода заменителем золота [Стадниченко, 1970: 92–101]. В тексте Заключительного акта составители заменили слово «золото» на «золото и доллары США» [Steil, 2013: 216].

Статья 4 Устава МВФ предусматривала обязательство стран-членов поддерживать цену золота на фиксированном уровне, не допуская отклонения в ту или другую сторону более чем на 1%. В дальнейшем они могли повышать или понижать курс своих валют на 10%. Если же возникала необходимость выйти за данные рамки, требовалось получить одобрение МВФ, доказав, что такая мера вызвана «фундаментальными изменениями торгового баланса» (отрицательное или положительное сальдо) [DornaeI, 1978: 179–182]. Исходя из одобренных на конференции принципов, государства-члены могли использовать полученные валютные займы в соответствии с целями и задачами МВФ, а решение в данном случае принимали его руководящие органы. По мнению Г. Уайта, фонд имел право отказывать в кредитах странам, которые не желали

вводить «корректирующие факторы» для сбалансирования своих экономик, а также государствам, защищавшим свои рынки протекционистскими барьерами.

Острые споры развернулись при обсуждении величины квоты, которую каждая страна должна была внести в фонд. Американская позиция состояла в том, чтобы общая сумма взносов не превышала 8 млрд долл., причем на долю США приходилось бы 2,75 млрд, на Англию и Британское Содружество — примерно столько же и на СССР — не менее 10% [Dogmael, 1978: 17–18]. Четвертое место отводилось Китаю. Вопрос о квотах американцы тесно увязывали с распределением мест и числом голосов в руководящих органах МВФ, отчасти поэтому Франция и ряд небольших государств потребовали увеличения своих квот. Вместе с тем Советский Союз настаивал на определенных льготах, ссылаясь на ущерб, нанесенный ему войной. Позицию СССР поддержали Англия и другие пострадавшие от боевых действий и оккупации страны. В то же время англичане строго соблюдали собственные интересы: когда члены египетской и индийской делегаций подняли вопрос об оплате накопившихся у них за годы войны стерлинговых резервов золотом, британцы сделали все, чтобы вынести данную тему за рамки дискуссий²⁵.

Если Г. Уайта интересовал в основном МВФ, то для Великобритании, истощенных войной государств Европы и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки первостепенное значение имело создание Международного банка реконструкции и развития. Он должен был не только осуществлять долгосрочное кредитование своих членов, но и выполнять функции гаранта и посредника между частным капиталом стран-кредиторов и стран-получателей. Именно значимостью МБРР для послевоенной реконструкции и объяснялась «покладистость» Дж. Кейнса в дискуссиях по МВФ. К тому времени в Лондоне уже пришли к выводу о том, что Великобритания в любом случае будет вынуждена принять план Г. Уайта уже в силу своей экономической слабости. По мнению британцев, любое обещание США обеспечить экономическую и военную безопасность Западной Европы после войны было лучше, чем ничего. Если бы МВФ не смог или не пожелал предоставить Англии и другим странам-должникам средства, необходимые для восстановления и участия в системе многосторонней торговли, то вполне вероятно, что это сделал бы МБРР. Банк должен был иметь начальный капитал в 9,1 млрд долл. [Woods, 1990: 144]. Как и в МВФ, размер квоты определял количество го-

---

²⁵ Ibid. P. 424–426.

лосов при принятии решений, но возможность получать займы зависела от потребностей страны.

Серьезные разногласия вызывал даже вопрос о местонахождении штаб-квартир МВФ и МБРР. С точки зрения Г. Уайта, вполне логично было разместить их в стране, обладавшей наибольшей квотой. Дж. Кейнс же полагал, что решение можно отложить до первой встречи совета управляющих²⁶. Для Г. Моргентау учреждение бреттон-вудских институтов и размещение их на американской земле было бы победным завершением его многолетней борьбы за перемещение мирового финансового центра из Лондона и с Уолл-стрит в Министерство финансов США [Dornmael, 1978: 241]. Кроме того, МВФ и МБРР отражали американское видение послевоенного мира и международными были только по названию. Поскольку каждая страна-участница имела в них квоту, фиксировавшую величину подписки и количество голосов, которыми она располагала, США заняли в них привилегированное место. Наиболее важные решения требовали одобрения квалифицированным большинством голосов. Соединенные Штаты как крупнейший вкладчик обладали наибольшим числом голосов и тем самым могли диктовать подход к реконструкции истерзанного войной мира. Позже Г. Уайт признал, что МВФ и МБРР были частью «политики с позиции силы, а не международного сотрудничества, за исключением того, что сила является финансовой, а не военно-политической» [цит. по: Garder, 1964: 290]. 18 июля была принята резолюция, предусматривавшая размещение штаб-квартир МВФ и МБРР в Вашингтоне.

Не обошлось и без скандалов. На сессии 10 июля при обсуждении проекта создания МВФ всплыл вопрос о базировавшемся в Базеле Банке международных расчетов, который мог бы стать основой для создания мирового банка. БМР был известен как крупнейший посредник в предоставлении и обслуживании кредитов между центральными банками более 30 государств Европы и Америки [Jacobsson, 1979: 186–187]. Однако неожиданно дискуссия приняла совсем другое направление. Перед собравшимися выступил член норвежской делегации Вильгельм Кейлау, который обвинил БМР в связях с нацистами и потребовал расследовать его деятельность. Он высказал возмущение тем, что через базельский банк германские концерны получали кредиты от британских и американских компаний, а затем переводили им проценты. Норвежец попал под прессинг представителей США и Великобрита-

---

²⁶ Ibid. P. 51.

нии, в результате которого ему пришлось срочно покинуть конференцию.

Отказываться от базельского института не хотели. Дж. Кейнс видел в нем прообраз своего клирингового союза, а некоторые члены американской делегации, например Д. Ачесон, считали его «инструментом послевоенной внешней политики». Г. Моргантау убеждал коллег, что роспуск БМР станет важным пропагандистским шагом и пойдет на пользу США²⁷ [Schloss, 1958: 120]. После двухнедельных консультаций состоялось голосование. Британцы выступили за сохранение БМР в качестве мирового банка до конца войны, а американцы потребовали его немедленной ликвидации без проведения какого-либо расследования. Победу одержала вторая точка зрения, и делегаты приняли соответствующую резолюцию²⁸. Однако ее выполнение было фактически сорвано английскими и американскими банкирами. БМР успешно «встроился» в послевоенную эпоху: он принимал участие в реализации «плана Маршалла», оказывал содействие МВФ и МБРР, осуществлял многосторонние клиринги для Европейского платежного союза и выступал финансовым агентом Европейского объединения угля и стали [Auboin, 1955: 29–32].

Отдельного внимания заслуживает участие в конференции советской делегации, которую возглавлял заместитель наркома внешней торговли М.С. Степанов. Переговоры о создании международной валютной системы и Бреттон-Вудскую конференцию в Москве рассматривали главным образом как попытку США и Великобритании решить специфические послевоенные проблемы капиталистических стран [Green, 1978: 29]. Советское правительство обладало монополией на ведение всей внешнеэкономической деятельности, используя в торговых обменах золото или иностранную валюту. Рубль был полностью оторван от международных рынков, не обменивался на другие валюты, а стоимость его определялась по законам, присущим исключительно советской экономике. Как отмечал чикагский банкир Э. Браун, «для русских нет никакой разницы в том, будет ли рубль стоить пять центов или пять долларов» [цит. по: Dormael, 1978: 170]. Таким образом, большим достижением Г. Моргантау и Г. Уайта было уже то, что советская делегация вообще прибыла в США, хотя ее участие в дискуссиях, по воспоминаниям западных дипломатов, было весьма

---

²⁷ Blum J.M. From the Morgenthau diaries. Vol. III: Years of War, 1941–1945. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. P. 268.

²⁸ Proceedings... P. 330.

ограниченным²⁹. Представители СССР добились повышения квоты своей страны с 800 млн до 1,2 млрд долл., чтобы получить равное с Великобританией количество голосов при принятии решений. Однако требование советской делегации о сокращении золотого содержания квоты для «истощенных войной государств» американцы отвергли [Steil, 2013: 233–249]. В конечном итоге СССР одобрил соглашения по МВФ и МБРР.

Достигнутые на конференции договоренности были закреплены в Заключительном акте³⁰. В выступлении на закрытии Дж. Кейнс отметил: «Мы продемонстрировали, что собрание 44 наций действительно способно совместно трудиться над конструктивной задачей в дружбе и нерушимом согласии. Мало кто верил, что такое возможно. Если мы сможем так же продолжать при более крупных задачах, как мы взяли за эту ограниченную задачу, у мира есть надежда. В любом случае мы сейчас разъедемся по домам, обретя новых друзей и установив новые связи. Мы учились работать вместе. Если мы сможем так же продолжить, то тот кошмар, в котором большинство из нас, здесь присутствующих, прожили слишком большую часть нашей жизни, закончится. Людское братство станет больше, чем фразой»³¹. С окончанием конференции на первый план вышла проблема ратификации одобренных на ней соглашений, прежде всего в законодательных органах главных спонсоров формирования новой валютной системы — Соединенных Штатов и Великобритании. Вопрос о создании финансовой архитектуры послевоенного мира перемещался с международного на внутриполитический уровень.

12 февраля 1945 г. Ф. Рузвельт направил в Конгресс специальное послание, в котором убеждал законодателей незамедлительно одобрить бреттон-вудские соглашения, что, по его мнению, послужило бы убедительным доказательством желая США развивать международное экономическое сотрудничество. В своем обращении президент отмечал: «Пришло время для Соединенных Штатов взять на себя руководство в утверждении принципа экономического сотрудничества как основы для расширения мировой торговли. Мы предлагаем сделать это, не создавая суперправительства, а путем международных переговоров и соглашений,

---

²⁹ Mikesell R.F. *Negotiating at Bretton Woods, 1944* // *Negotiating with Russians* / Ed. by R. Dennrtt, J.E. Johnson. Boston: World Peace Foundation, 1951. P. 104–105; Robbins L. *Bretton Wood, June–August 1944* // *The wartime diaries of Lionel Robbins and James Meade, 1943–1945* / Ed. by S. Howson, D.E. Moggridge. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 172.

³⁰ *Proceedings...* P. 1197–1206.

³¹ *Ibid.* P. 1110.

направленных на улучшение мировых валютных институтов и законов, которые регулируют торговлю. <...> Валютная конференция Объединенных Наций в Бреттон-Вудсе сделала большой шаг вперед в вопросе огромного практического значения для всех нас. Конференция выработала план образования Международного валютного фонда, который положит конец валютному хаосу»³².

Надо сказать, что далеко не все в США разделяли мнение главы государства. Американский исследователь Р. Будс в статье, посвященной истории образования МВФ и МБРР, отмечал, что наиболее резкая критика планов создания международной валютно-финансовой системы исходила от изоляционистов Среднего Запада во главе с сенатором-республиканцем Тафтом и представителей финансовых кругов Нью-Йорка. Тафт полагал, что МВФ и МБРР будут финансироваться главным образом за счет США, а это расширит ответственность страны и при общей неэффективности данных институтов приведет лишь к увеличению бремени американских налогоплательщиков. Банкиры Нью-Йорка, представлявшие как коммерческую, так и инвестиционную сферу бизнеса, тоже выступали против бреттон-вудских договоренностей. Инвесторы, в частности представители «дома Моргана» и «Chase National Bank», считали, что при такой системе средства для ведения многонационального бизнеса будут давать уже не они, а международный орган. Банкиры, связанные с коммерческой деятельностью, опасались, что займы, предоставляемые развивающимся странам, стимулируют создание там собственной экономической инфраструктуры, и это помешает американским торговым и промышленным фирмам действовать там напрямую [Будс, 1992: 38–40].

Впрочем, в лагере противников согласия не наблюдалось. Так, на слушаниях по закону об имплементации Бреттон-Вудских соглашений Ассоциация американских банкиров выступала за ликвидацию МВФ, а Ассоциация банкиров штата Нью-Йорк рекомендовала отсрочку начала его деятельности³³. В таких условиях, несмотря на то что сотрудники Министерства финансов постоянно информировали законодателей обо всех перипетиях переговоров и четверо из них находились в составе делегации на конференции, ни Г. Моргентау, ни Г. Уайт не чувствовали полной уверенности

---

³² President Roosevelt's message to Congress on Bretton Woods money and banking proposals // The New York Times. February 12, 1945.

³³ Bretton Woods Agreements Act. Hearings before the Committee on Banking and Currency. U.S. Congress, Senate, 79th Congress, 1st Session. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1945. P. 241–251.

в успешной ратификации³⁴. Однако подавляющее большинство американских законодателей верно поняли, какие преимущества сулит Соединенным Штатам участие в МВФ и МБРР. 7 июня 1945 г. 345 голосами против 18 Бреттон-Вудские соглашения одобрила Палата представителей, а 19 июля со счетом 61 против 16 их поддержал Сенат [Dogmael, 1978: 262, 265]. 31 июля 1945 г. сменивший умершего Ф. Рузвельта президент Гарри Ш. Трумэн подписал соответствующий закон.

Определенный скептицизм по поводу бреттон-вудских институтов наблюдался и в финансовых кругах Великобритании. Большинство членов Совета директоров Английского банка в 1944 г. были настроены против планов создания послевоенной валютно-финансовой системы. Они испытывали немалую тревогу относительно будущего фунта и позиций Лондона в мире, где доминантной валютой будет доллар. В жесткой оппозиции МВФ находились сторонники сохранения «стерлингового блока» и имперских преференций [Cairncross, 1996: 74, 77–78]. Поскольку политическая коалиция военного времени, которая одобрила участие страны в Бреттон-Вудской конференции, после окончания войны распалась, сражение за ратификацию грозило перерасти в рукопашную схватку. Однако Великобритания вышла из войны слабее, чем ожидали большинство американских и британских планировщиков. Осенью 1945 г. по указанию нового премьер-министра Клементы Эттли, возглавившего кабинет пришедших к власти летом лейбористов, Дж. Кейнс вновь отправился в Вашингтон просить о финансовой помощи. Одним из американских условий оказания поддержки бывшему союзнику стала ратификация им бреттон-вудских договоренностей. Выбора у Великобритании фактически не оставалось, и в декабре 1945 г. парламент проголосовал и за заем, и за соглашения [Parmer, 1995: 170].

Последние должны были вступить в силу после их подписания правительствами государств, имевших в общей сложности 65% квоты МВФ. К 27 декабря 1945 г., за четыре дня до окончания официально установленного срока, когда под соглашениями поставили подписи представители 28 стран, необходимый уровень был достигнут. 28 января 1946 г. США направили 34 государствам, ратифицировавшим соглашения, приглашение на конференцию, состоявшуюся в феврале того же года в г. Саванне штата Джорджия. Там было официально объявлено о начале работы МВФ и МБРР. Г. Уайт занял пост управляющего директора фонда, штаб-квартира которого

---

³⁴ Blum J.M. From the Morgenthau diaries. Vol. III: Years of War, 1941–1945. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. P. 240, 248.

разместилась в Вашингтоне — под неусыпным оком Министерства финансов США. Дж. Кейнс же по дороге из Саванны перенес инфаркт и через шесть недель скончался, разочарованный тем, что его видение послевоенной финансовой системы не было реализовано [Kuttner, 1991: 40]. Советский Союз, подписав Заключительный акт, соглашения так и не ратифицировал.

* * *

Несмотря на отдельные недостатки, Бреттон-Вудская конференция оказалась в целом весьма успешной. Даже 70 лет спустя в академическом сообществе ее считают самым продуктивным экономическим форумом в Новейшей истории. Для современников она, говоря словами Э. Бернштейна, «вообще казалась чудом» с учетом хроники межвоенного валютного «сотрудничества» [Black, 1991: 104]. Подход, выбранный архитекторами бреттон-вудской системы, стал прямой противоположностью курсу, проводившемуся после Первой мировой войны. В 1920-е годы ведущие державы стремились к возрождению «золотого стандарта», причем зачастую по нереалистичным паритетам. Уроки, которые преподавала Великая война, не были учтены национальными центральными банками и международными финансовыми институтами вплоть до Великой депрессии [Temin, 1989: 10–11]. Только экономический кризис такого масштаба мог создать условия для постепенного перехода к этатизации межгосударственных финансовых связей и учреждению соответствующих международных регулирующих институтов.

Немаловажную роль в благоприятном завершении такого перехода сыграл контекст военного времени, в котором проходила Бреттон-Вудская конференция. Тот факт, что большинство представленных на ней государств были союзниками и сражались с общим врагом, безусловно, способствовал достижению согласия между ними. Этим же объяснялся амбициозный и инновационный характер соглашений. При необходимости консолидации военных усилий союзных правительств и мобилизации поддержки собственных граждан политическое руководство большинства стран антигитлеровской коалиции могло смелее выдвигать и активнее поддерживать инициативы по обустройству послевоенного мира. «Мыслить шире» их также побуждало осознание того, что окончание войны откроет новые уникальные политические и экономические возможности [Helleiner, 2010: 621–622].

Добивавшимся лидерства в послевоенном мире Соединенным Штатам создание бреттон-вудской валютно-финансовой системы принесло ощутимые выгоды. Благодаря превращению доллара

в международную денежную единицу американское правительство, сохранив в своих руках эмиссию доллара как национальной валюты, получило возможность использовать его вместо золота для погашения своих расходов. Бреттон-Вудские соглашения обеспечили США контроль над валютными операциями в рамках всего «свободного мира». Дополненные в 1948 г. Генеральным соглашением по тарифам и торговле, они не только облегчали американскому бизнесу проникновение на зарубежные рынки и выполнение Вашингтоном своих финансовых обязательств по военным и иным программам за границей, но и наделяли Соединенные Штаты немалыми возможностями влиять на макроэкономические параметры других стран. В эпоху «холодной войны» зависимость от доллара валют других капиталистических государств связывала развитие их экономик с хозяйственной политикой американских администраций, консолидируя тем самым весь западный лагерь. Как отмечал Р. Гилпин, «способность гегемона проявить свою мощь посредством механизма экономической взаимозависимости представляет один из способов управления мировой экономикой» и за счет этого — влияния на политическую линию поведения других государств [Gilpin, 1987: 76].

В дальнейшем, когда обмен долларов на золото стал обузой для самих Соединенных Штатов, администрация Ричарда Никсона в одностороннем порядке отказалась от него, что привело к прекращению межгосударственных расчетов в золоте на основе его долларовой цены и установлению «плавающих» курсов валют, оформленных Ямайским соглашением 1976 г. Одновременно была поставлена цель превращения «специальных прав заимствования» в резервный актив мировой валютной системы. Однако до окончательного складывания нового механизма все еще далеко, поэтому доллар по-прежнему остается главной резервной валютой в мире, американские представители занимают руководящие посты в международных экономических организациях, где голоса распределяются в зависимости от размера квоты, а финансовая политика США в большей степени определяет условия функционирования мировой валютной системы, нежели зависит от них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будс Р. Бреттон-Вудская конференция Объединенных Наций в 1944 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 31–50.
2. Ильясов В.А. Валютные проблемы США. М., 1972.
3. Кимболл У.Ф. «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 3–17.

4. Моисеев С.Р. Как устроить мир после войны // Валютный спекулянт. 2004. № 8. С. 83–85.
5. Стадниченко А.И. Валютный кризис капитализма. М.: Международные отношения, 1970.
6. Auboin R. The Bank for International Settlements, 1930–1955. Princeton: International Finance Section, May 1955.
7. Black S.W. A Levite among the priests: Edward M. Bernstein and the origins of the Bretton Woods system. Boulder: Westview Press, 1991.
8. Boughton J.M. Why White, not Keynes? Inventing the postwar international monetary system. International Monetary Fund. IMF Working Paper. March 2002.
9. Boyle A. Montagu Norman. London: Cassell, 1967.
10. Burch P.H. Elites in American history. Vol. 2. New York: Holmes and Meier, 1981.
11. Cagan Ph. Determinants of changes in the stock of money, 1875–1960. New York: Columbia University Press, 1965.
12. Cairncross A. A British perspective on Bretton Woods // The Bretton Woods-GATT system: retrospect and prospect after fifty years / Ed. by O. Kirshner. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1996.
13. Clarke S.V.O. Central bank cooperation: 1924–1931. New York: Federal Reserve Bank of New York, 1967.
14. Clarke S.V.O. Exchange-rate stabilization in the mid-1930s: negotiating the tripartite agreement. Princeton: International Finance Section, 1977.
15. Dormael A.V. Bretton Woods: birth of a monetary system. New York: Holmes & Meier Publishers, 1978.
16. Eckes A. A search for solvency: Bretton Woods and the international monetary system, 1941–1971. Austin: University of Texas Press, 1976.
17. Eichengreen B. Golden fetters: the gold standard and the great depression, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1992.
18. Ferguson T. From normalcy to New Deal: industrial structure, party competition and American public policy in the Great Depression // International Organization. 1984. Vol. 38. № 1. P. 41–94.
19. Garder L. Economic aspects of New Deal diplomacy. Madison: University of Wisconsin Press, 1964.
20. Gardner R. Sterling-Dollar diplomacy: the origins and the prospects of our international economic order. New York: McGraw-Hill, 1969.
21. Gilpin R. The political economy of international relations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1987.
22. Green Ph.E. Conflict over trade ideologies during the early Cold War: a study of American foreign economic policy. Duke University, 1978.
23. Gregory T.E. The gold standard and its future. 3rd (rev.) ed. New York: E.P. Dutton, 1935.
24. Hall H.D. North American supply. London: HMSO, 1955.
25. Hancock W.K., Gowing M.M. British war economy. London: HMSO and Longmans, 1949.
26. Harrod R. The life of John Maynard Keynes. New York: Harcourt, Brace & Co., 1951.

27. Helleiner E. A Bretton Woods moment? The 2007–2008 crisis and the future of global finance // *International Affairs*. 2010. Vol. 86. № 3. P. 619–636.
28. Hiscox M.J. The magic bullet? The RTAA, institutional reform, and trade liberalization // *International Organization*. 1999. Vol. 53. № 4. P. 669–698.
29. Jacobsson E.E. *A life for sound money*. Oxford: Clarendon, 1979.
30. Kimball W.F. *The Juggler*. Franklin D. Roosevelt as wartime statesman. Princeton: Princeton University Press, 1991.
31. Krooss H.E., Studenski P. *Financial history of the United States*. 1st ed. New York: McGraw-Hill, 1952.
32. Kuttner R. *The end of laissez-faire. National purpose and the global economy after the Cold War*. New York: Alfred A. Knopf, 1991.
33. McElvaine R.S. *The Great Depression in America, 1929–1941*. New York: Times Books, 1984.
34. Meier G.M. *Problems of a world monetary order*. New York-Oxford: Oxford University Press, 1982.
35. Moggridge D. *Maynard Keynes. An economist's biography*. New York: Routledge, 1995.
36. Notter H.A. *Postwar foreign policy preparation, 1939–1945*. Washington: Government Printing Office, 1949.
37. Oye K.A. *Economic discrimination and political exchange*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
38. Parmar I. *Special interests, the state and the Anglo-American alliance, 1939–1945*. London: Routledge, 1995.
39. Ryan H. *The vision of Anglo-America. The U.S.-U.K. alliance and the emerging Cold War, 1943–1946*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
40. Sayers R.S. *The Bank of England, 1891–1944*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
41. Schloss H.H. *The Bank for International Settlements: an experiment in central bank cooperation*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1958.
42. Schmitt B.E., Vedeler H.C. *The world in the crucible, 1914–1919*. New York: Harper & Row, 1984.
43. Schulzinger R. *The wise men of foreign affairs: the history of the Council on foreign relations*. New York: Columbia University Press, 1984.
44. Schurmann F. *Selections from the logic of world power // The origins of the Cold War and contemporary Europe / Ed. by Ch.S. Maier*. New York: New Viewpoints, 1978. P. 45–54.
45. Schwartz A.J. From obscurity to notoriety: a biography of the Exchange Stabilization Fund // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1997. Vol. 29. № 2. P. 135–153.
46. Selgin G. *The rise and fall of the gold standard in the United States*. Cato Institute Policy Analysis. № 729. June 20, 2013.
47. Sharp A. *The Versailles settlement: peacemaking in Paris, 1919*. New York: St. Martin's, 1991.
48. Shoup, L.H., Minter W. *Imperial brain trust: The Council on foreign relations and U.S. foreign policy*. New York: Monthly Review Press, 1977.

49. Skidelsky R. John Maynard Keynes. Vol. 3: Fighting for Britain, 1937–1946. London: Macmillan, 2000.

50. Steil B. The battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the making of a new world order. Princeton: Princeton University Press, 2013.

51. Temin P. Lessons from the Great Depression. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

52. Walters F.P. A history of the League of Nations. London: Oxford University Press, 1965.

53. Welles S. Seven major decisions that shaped history. New York, London: Harper, 1951.

54. Winter J.M. The experience of World War I. New York: Cambridge University Press, 1989.

55. Woods R.B. A changing of the guard: multilateralism and internationalism in Anglo-American relations, 1941–1946. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1989.

A.A. Sidorov

BRETTON WOODS CONFERENCE AND THE ESTABLISHMENT OF THE POST-WORLD WAR II INTERNATIONAL ORDER

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

This paper, commemorating the 70th anniversary of one of the most important economic forums in modern history — the Bretton-Woods conference, — examines its prerequisites, proceedings, and major results. In the first section the author reveals the key features of the evolution of a global monetary and financial system after World War I. The author identifies a whole range of structural defects in the post-war financial order, such as debts and reparations, ‘economic nationalism’, and the exclusion of the Soviet Russia from international financial system. Special attention is also paid to the human factor: the ‘business as usual’ ideology of the European political and financial elites, their ardent desire to restore a gold standard. The ill-considered monetary policy of the great powers, aggravated by a virtual unaccountability of national banks to their governments, led to the unprecedented economic crisis of 1929. The analysis of the Roosevelt’s administration crisis intervention allows the author to trace a new tendency in the development of a global financial system — a growing limitation of national banks’ independence, their gradual submission to institutions of executive power. This tendency took shape in the British and the US plans for post-war financial regulation, which are analyzed in the second section. A preliminary coordination of two virtually mutually exclusive plans was a decisive step towards the Bretton-Woods conference. The third section examines the negotiations process, with a special at-

tention paid to the debates over the main financial institutions of a new international order — International Bank for Reconstruction and Development and International Monetary Fund. The author considers the Bretton-Woods conference an unprecedented experiment in the history of international monetary and financial relations as well as a major step in the establishment of the US hegemony within the Western world after the World War II.

Keywords: World War II, the United States, Bretton Woods, International Bank for Reconstruction and Development, International Monetary Fund, Great Depression, monetary policy, gold standard, F.D. Roosevelt, J.M. Keynes.

About the author: *Andrey A. Sidorov* — PhD (History), Associate Professor, Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aas@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This work has been supported by a grant from the President of the Russian Federation for leading research schools of the Russian Federation (NSH-2427.2014.6).

REFERENCES

1. Buds R. 1992. Bretton-Vudskaya konferentsiya Ob'edinennykh Natsii v 1944 g. [Bretton-Woods conference of the United Nations, 1944]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 31–50. (In Russ.)
2. Il'yasov V.A. 1972. *Valyutnye problemy SSHA* [The US monetary system]. Moscow. (In Russ.)
3. Kimball U.F. 1990. 'Semeinyi krug': poslevoennyy mir glazami Ruzvel'ta ['Family circle': postwar world through Roosevelt's eyes]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 3–17. (In Russ.)
4. Moiseev S.R. 2004. Kak ustroit' mir posle voyny [How to build peace after the war]. *Valyutnyi spekulyant*, no. 8, pp. 83–85. (In Russ.)
5. Stadnichenko A.I. 1970. *Valyutnyi krizis kapitalizma* [Monetary crisis of capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
7. Auboin R. 1955. *The Bank for International Settlements, 1930–1955*. Princeton, International Finance Section.
7. Black S.W. 1991. *A Levite among the priests: Edward M. Bernstein and the origins of the Bretton Woods system*. Boulder, Westview Press,
8. Boughton J.M. 2002. *Why White, not Keynes? Inventing the postwar international monetary system*. *International Monetary Fund*. IMF Working Paper.
9. Boyle A. 1967. *Montagu Norman*. London, Cassell.
10. Burch P.H. 1981. *Elites in American history*. Vol. 2. New York, Holmes and Meier.
11. Cagan Ph. 1965. *Determinants of changes in the stock of money, 1875–1960*. New York, Columbia University Press.
12. Cairncross A. 1996. A British perspective on Bretton Woods. In Kirshner O. (ed.) *The Bretton Woods-GATT system: retrospect and prospect after fifty years*. Armonk, New York, Sharpe.

13. Clarke S.V.O. 1967. *Central bank cooperation: 1924–1931*. New York, Federal Reserve Bank of New York.
14. Clarke S.V.O. 1977. *Exchange-rate stabilization in the mid-1930s: negotiating the tripartite agreement*. Princeton, International Finance Section.
15. Dormael A.V. 1978. *Bretton Woods: birth of a monetary system*. New York, Holmes & Meier Publishers.
16. Eckes A. 1976. *A search for solvency: Bretton Woods and the international monetary system, 1941–1971*. Austin, University of Texas Press.
17. Eichengreen B. 1992. *Golden fetters: the gold standard and the great depression, 1919–1939*. New York, Oxford University Press.
18. Ferguson T. 1984. From normalcy to New Deal: industrial structure, party competition and American public policy in the Great Depression. *International Organization*, vol. 38, no. 1, pp. 41–94.
19. Garder L. 1964. *Economic aspects of New Deal diplomacy*. Madison, University of Wisconsin Press.
20. Gardner R. 1969. *Sterling-Dollar diplomacy: the origins and the prospects of our international economic order*. New York, McGraw-Hill.
21. Gilpin R. 1987. *The political economy of international relations*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press.
22. Green Ph.E. 1978. *Conflict over trade ideologies during the early Cold War: a study of American foreign economic policy*. Duke University.
23. Gregory T.E. 1935. *The gold standard and its future*. New York, E.P. Dutton.
24. Hall H.D. 1955. *North American supply*. London, HMSO.
25. Hancock W.K., Gowing M.M. 1949. *British war economy*. London, HMSO and Longmans.
26. Harrod R. 1951. *The life of John Maynard Keynes*. New York, Harcourt, Brace & Co.
27. Helleiner E. 2010. A Bretton Woods moment? The 2007–2008 crisis and the future of global finance. *International Affairs*, vol. 86, no. 3, pp. 619–636.
28. Hiscox M.J. 1999. The magic bullet? The RTAA, institutional reform, and trade liberalization. *International Organization*, vol. 53, no. 4, pp. 669–698.
29. Jacobsson E.E. 1979. *A life for sound money*. Oxford, Clarendon.
30. Kimball W.F. 1991. *The Juggler. Franklin D. Roosevelt as wartime statesman*. Princeton, Princeton University Press.
31. Krooss H.E., Studenski P. 1952. *Financial history of the United States*. New York, McGraw-Hill.
32. Kuttner R. 1991. *The end of laissez-faire. National purpose and the global economy after the Cold War*. New York, Alfred A. Knopf.
33. McElvaine R.S. 1984. *The Great Depression in America, 1929–1941*. New York, Times Books.
34. Meier G.M. 1982. *Problems of a world monetary order*. New York, Oxford, Oxford University Press.
35. Moggridge D. 1995. *Maynard Keynes. An economist's biography*. New York, Routledge.
36. Notter H.A. 1949. *Postwar foreign policy preparation, 1939–1945*. Washington, Government Printing Office.

37. Oye K.A. 1992. *Economic discrimination and political exchange*. Princeton, Princeton University Press.
38. Parmar I. 1995. *Special interests, the state and the Anglo-American alliance, 1939–1945*. London, Routledge.
39. Ryan H. 1987. *The vision of Anglo-America. The U.S.-U.K. alliance and the emerging Cold War, 1943–1946*. Cambridge, Cambridge University Press.
40. Sayers R.S. 1976. *The Bank of England, 1891–1944*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. Schloss H.H. 1958. *The Bank for International Settlements: an experiment in central bank cooperation*. Amsterdam, North-Holland Publishing Company.
42. Schmitt B.E., Vedeler H.C. 1984. *The world in the crucible, 1914–1919*. New York, Harper & Row.
43. Schulzinger R. 1984. *The wise men of foreign affairs: the history of the Council on foreign relations*. New York, Columbia University Press.
44. Schurmann F. 1978. Selections from the logic of world power. In Maier Ch.S. (ed.). *The origins of the Cold War and contemporary Europe*. New York, New Viewpoints.
45. Schwartz A.J. 1997. From obscurity to notoriety: a biography of the Exchange Stabilization Fund. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 29, no. 2, pp. 135–153.
46. Selgin G. 2013. *The rise and fall of the gold standard in the United States*. Cato Institute Policy Analysis, no. 729, June 20.
47. Sharp A. 1991. *The Versailles settlement: peacemaking in Paris, 1919*. New York, St. Martin's.
48. Shoup, L.H., Minter W. 1977. *Imperial brain trust: The Council on foreign relations and U.S. foreign policy*. New York, Monthly Review Press.
49. Skidelsky R. 2000. *John Maynard Keynes*. Vol. 3: *Fighting for Britain, 1937–1946*. London, Macmillan.
50. Steil B. 2013. *The battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the making of a new world order*. Princeton, Princeton University Press.
51. Temin P. 1989. *Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA, MIT Press.
52. Walters F.P. 1965. *A history of the League of Nations*. London, Oxford University Press.
53. Welles S. 1951. *Seven major decisions that shaped history*. New York, London, Harper.
54. Winter J.M. 1989. *The experience of World War I*. New York, Cambridge University Press.
55. Woods R.B. 1989. *A changing of the guard: multilateralism and internationalism in Anglo-American relations, 1941–1946*. Chapel Hill, N.C., University of North Carolina Press.